

Юлия Снежкова

ЗИЯН

18+

Юлия Снежкова

Зиян

«Автор»

2026

Снежкова Ю.

Зиян / Ю. Снежкова — «Автор», 2026

«Зиян» — по мокшански означает «несчастье, горе». Трёхлетняя Катя шепчет в пустоту «бобо» — и привычный мир её семьи рушится. В отчаянии мать со старшей дочерью везут девочку к деревенской знахарке: врачи бессильны, а страх за ребёнка сильнее сомнений. Село встречает семью насторожёнными взглядами и шёпотом на чужом языке. История о том, что иногда самое трудное решение — не искать чудо, а понять, какую цену ты готов за него заплатить.

© Снежкова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Карьга»	5
Глава 2.Стекло и топор	11
Глава 3. В гостях	17
Глава 4.Волчок	23
Глава 5. Путь до дома	29
Глава 6. Кровью дана	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Снежкова

Зиян

Глава 1 «Карьга»

— Папке только не говори, — Лариса Дмитриевна крепче сжала руль старенькой «Лады».

— Хорошо. Тем более что идея-то моя, — бросила Карина, на секунду оторвавшись от телефона.

Дорога казалась бесконечной, уходившей за горизонт. Мимо медленно проплывали зелёные поля.

— И где там поворот на эту Карьгу? — женщина прищурилась, вглядываясь в летнее марево.

— Ааарьга, — донеслось сзади.

Карина повернулась к сидевшей в розовом детском креслице сестре.

— Она, Катюха, она, — губы девушки растянулись в улыбке.

Девчушка с двумя хвостиками два раза хлопнула в ладоши и залилась смехом.

— Так, вроде сюда, — пробормотала Лариса Дмитриевна.

Машина ухнула вниз и поехала, покачиваясь, по песчаной грунтовке. Высокая трава хлестала по железным бокам.

Карина проводила взглядом заросшее бурьяном поле и посмотрела на показавшееся впереди село. Оно раскинулось в обе стороны, не меньше двадцати домов. Впереди село огорожено огородами, обнесёнными редкими заборами — скорее условностью, чем реальной защитой.

— Почти приехали. Там у тебя записано, где та бабка живёт? — всё ещё внимательно следя за дорогой, спросила Лариса Дмитриевна.

Карина порылась в сообщениях.

— Ага, сейчас заезжаем, потом направо. Там будет у дома красный гараж. Вот за ним свернуть и до конца дороги.

Лариса Дмитриевна покосилась на дочь.

— Откуда твоя Танька про неё знает?

Карина отмахнулась от залетевшей в салон мухи.

— Не она лично. Тётка её к этой бабке ездила. Та ей очень помогла. Говорит, что та тётка потом очень удачно замуж вышла. И вроде сразу двойню родили.

— Ого. — Лариса Дмитриевна повернула руль вправо.

— Да, Танька во всё такое особо не верит. Но говорит, что бабка вроде нормальная. И за помощь берёт недорого.

Машина свернула на дорогу за гаражом у одноэтажного кирпичного дома.

— Аааа! — протянула сидевшая сзади Катя.

— Сейчас, золотце, уже приедем, сейчас, — пробормотала женщина.

Через пару минут они остановились у края деревни, упершись в белый дощатый забор. За ним виднелась берёзовая роща.

Дом был крепкий, деревянный, выкрашен жёлтой краской. У небольшого круглого окна, ведущего на чердак, висела антенна спутникового телевидения.

Сидевшие на лавочке у соседнего дома старухи синхронно повернулись в сторону выходящих из машины.

— Варжакстт, тага састь*, — донеслось до Карины.

*Посмотри, опять приехали.

Она оглянулась.

Одетая в цветастый халат бабка сплюнула себе под ноги. Девушка поспешила отвести взгляд.

Лариса Дмитриевна отстегнула ремни бустера и поставила малышку на землю. Та, немного прихрамывая на левую ногу, поспешила к одуванчикам, что росли жёлтой россыпью у забора.

Одна из бабок закачала головой. Вторая — до сих пор молчавшая — неодобрительно зацокала.

Где-то вдали замычала корова.

Из-за увитой плющом изгороди к ним заспешила женщина, подпоясанная передником. Высунувшись из-за калитки, она обратилась к Ларисе Дмитриевне:

— Вам чего?

— Мы тут. Нам вас посоветовали, — пробормотала она.

Женщина поправила косынку, бросила короткий взгляд на Катю, машущую одуванчиком.

— Ладно, проходите.

Повернувшись и, не дождавшись гостей, двинулась в сторону дома. Лариса Дмитриевна схватила Катю за руку и потащила за хозяйкой. Карина, закрывая щеколду, посмотрела на старух. Те полусшепотом продолжили разговор. Одна из них мельком перекрестилась.

Участок оказался большим и обжитым. По чисто выметенному двору вольготно гуляли куры. Из приоткрытой двери теплицы выглядывали помидорные кусты. Ближе к лесу возвышалась тёмная постройка. Судя по уходящей из крыши трубе — баня.

— Скидывайте обувь тут, у порога, и проходите, — донеслось из темноты дома.

Лариса Дмитриевна помогла Кате расстегнуть застёжку в сандаликах, затем сняла и аккуратно поставила у крыльца кроссовки. Карина стянула балетки и шагнула в прохладу сеней.

После ослепляющего летнего дня глаза не сразу привыкли к полумраку, что царил там. Карина, прищурившись, огляделась. Вытянутое помещение заканчивалось завешанным марлей проёмом.

Слева, тесня друг друга, стояли несколько шкафов и сервант. Сквозь стеклянные дверцы виднелась вразнобой поставленная посуда. Сверху — набор фарфоровых синих рыб-рюмок. Справа под двумя большими окнами, прикрытыми прозрачным коротким тюлем, стояла длинная деревянная лавка.

В сенях пахло сушёными травами и старой древесиной, а тишина была такой плотной, что каждый шаг отдавался в ушах. Когда Карина привыкла к темноте помещения, ей показалось, что за марлевым проёмом кто-то шевельнулся. Она сделала шаг вперёд — видение исчезло.

Хозяйка, до черноты загорелая, уперев руки в бока, обратилась к стоящей перед ней матери Карины:

— Давайте рассказывайте. Чего приехали.

Лариса Дмитриевна спешно подтолкнула Катю в спину. Та, чуть запинаясь, пошла к лавке.

— Она у нас поздний ребёнок. Само понимаете, — поспешно стала объяснять женщина.

— А это кто? — знахарка кивком указала на Карину.

— Сестра. Каринку-то я ещё на втором курсе университета родила. А вот Катю... Мы с мужем всегда мечтали много детей иметь. Чтоб семья большая была. Да всё как-то не складывалось.

Знахарка слушала её, следя за тем, как девочка, цепляясь за край лавки, всё ближе подходит к ней.

— И вот три года назад такое счастье. Я уже и не верила. Всё хорошо было. До этой зимы. Сначала она спать перестала. Но это, как пишут, вроде и нормально. Но она не плакала. Просто смотрела. Всегда в один угол. Будто рассматривала там что-то. Я уже и лампу туда ставила, и игрушки в другой угол раскладывала. Всё без толку. Хуже стало, когда она говорить начала. Тычет в пустой угол да всё твердит «бо-бо». Думали, может, болит чего... Докторов вообще всех обошли. А они только и твердят: здорова. Да как же здорова, если она в пустоту пальцем тычет и шепчет «бо-бо»!

Девочка заагукала и помахала знахарке. Та не отрывала от неё пристальный взгляд.

— Но дней пять назад, — Лариса Дмитриевна запнулась на полуслове, сглотнула, развернула дочку к себе и задрала жёлтую футболку, — вот.

На спине девочки, чуть ниже лопаток, тянулись тонкие царапины — ровные, будто кто-то провёл по коже острым ногтем.

— А у нас дома нет животных. Аллергия у мужа. — На её глазах выступили слёзы.

— Мам, — подалась к ней Карина.

Женщина закусила губу, не дав чувствам выйти наружу.

— Может, сама? — знахарка водила взглядом по отметинам.

Лариса Дмитриевна шумно сглотнула.

— Не сама. Я сколько раз с ней в комнате спать оставалась. Ничего. Уже и радионяню оставляли. И по камерам смотрели. Не сама.

Знахарка широко развела руки:

— Идяка*, иди-ка сюда.

*дитятко

Катя, переваливаясь с боку на бок, затопала к ней. Деревянные полы при каждом шаге отзывались протяжным скрипом.

— Таза*, — улыбнулась ведунья, глядя, как малышка шаг за шагом приближается к ней.

*здоровый, крепкий

Знахарка присела перед Катей. Та моментально обхватила ручками её лицо и дёрнула за тёмный локон, свисавший из-под косынки. Знахарка чуть прищурилась.

— Катюш, скажи, кто к тебе ночью приходит?

— Бо-ба.

— Ты с ним дружишь?

Малышка наклонила голову и замотала из стороны в сторону. Хвостики качнулись в такт движению.

— Бо-ба плохой? — ведунья нахмурилась.

Катя не ответила, разглядывая что-то у неё за спиной.

Карина проследила за взглядом, куда смотрит сестрёнка, но белая марля не позволяла увидеть что-то, кроме очертаний мебели.

Карие глаза знахарки испытующе посмотрели на девочку.

— Что бо-ба делает? — ласково проговорила она.

Катя, не отрываясь от изучения чего-то скрытого за занавеской, согнула пальчики и провела ими, словно царапая воздух.

— Шкайсь вере, сельмонза алот*, — пробормотала женщина, с трудом распрямившись.

*Бог наверху, глаза внизу.

— Что? — протянула Лариса Дмитриевна.

— Попробую я вам помочь. Бери дочку и пошли, — она кивнула в сторону марли, которая чуть качнулась, будто от сквозняка, которого в сенях не было.

— А я? — пискнула Карина.

— А ты здесь сиди, — буркнула знахарка из-за спины, заходя в комнату.

Лариса Дмитриевна, легонько придерживая Катю, скрылась за занавеской. Девушка рухнула на лавку.

Из-за стены, разделявшей её с комнатой, доносился размеренный говор. Слов, как ни силилась, Карина различить не могла.

Она достала телефон — потыкала. Экран показал два процента зарядки. Стала перелистывать фотографии в галерее.

В соседней комнате кто-то бубнил, не смолкая, — низкий, монотонный голос то сливался с тишиной, то вдруг прорезался особенно отчётливо, будто говорил не человек, а само пространство. Карина глубоко вздохнула и обвела взглядом сени. Над шкафами вразнобой сушились на гвоздиках пучки какой-то травы. Под половицей что-то пискнуло — девушка инстинктивно убрала ногу подальше.

Марля откинулась, и мимо неё, крепко держа Катю за руку, прошагала к выходу знахарка. Лариса Дмитриевна жестом показала Карине сидеть и, семеня следом, тоже скрылась за дверью. Девушка проследила за странной процессией: они шли куда-то за баню. Подняв голову выше, она отметила странные, нарисованные мелом по всей фрамуге окна символы — переплетение чёрточек и кружков. Иногда встречались схематичные узоры птиц.

— М-да, — девушка уселась на место.

Вернув телефон в карман джинсов, она ещё раз оглядела помещение. С улицы доносилось лишь размеренное жужжание насекомых да квохтанье кур.

Карина прислушалась — не будет ли из-за занавески каких-то звуков. В доме стояла тишина.

Она поднялась со скамьи и прошла мимо шкафов, задевая пыльные ручки. Среди тарелок в серванте что-то белело. В дальнем углу, спрятавшись за чашечкой с отломанной ручкой, стояла куколка. Размером с указательный палец. Без лица. То, что должно стать её ликом, пошло трещинами. Куколка была вылеплена из серой, грубой массы, так и не попавшей в печь. На том месте, где у обычных игрушек располагаются глаза, у неё вразнобой были намотаны красные нитки. На секунду Карине показалось, что эти нитки чуть шевелятся. Девушка отпрянула.

Но любопытство взяло верх.

Рядом с куколкой стояли две красные свечи. Та, что слева, наполовину оплыла, обнажая воткнутую прямо в сердцевину тонкую косточку.

Карина поспешила вернуться на лавку. Опустила голову, стараясь не отрывать взгляда от голых ступней.

В комнате рядом раздался тяжёлый вздох. Карина закрыла глаза. То, что находилось за тонкой белесой марлей, сделало шаг. Скрипнули половицы. Второй шаг отдался протяжным звуком старого дерева.

Девушка вцепилась в край лавки, не дыша.

— Карин, мы закончили, пошли, — голос Ларисы Дмитриевны донёсся со двора.

Она не шевелилась, всё ещё прислушиваясь к тому, что происходило в комнате.

— Дочь, ты там заснула, что ли? — женщина встала на пороге. Свет и полумрак дома разделили её силуэт.

Карина взглянула на мать, рывком поднялась с лавки и заспешила к выходу.

В машине было жарко, пыль медленно оседала на приборную панель. Пока Карина пристёгивала притихшую в детском креслице сестру, Лариса Дмитриевна о чём-то шептала со знахаркой. Женщина то пожимала плечами, то отрицательно мотала головой, но розовую пятитысячную купюру взяла — быстрым движением сунула в карман халата, огляделась и скрылась за калиткой.

Лариса Дмитриевна села в машину, повернула ключ зажигания. Карина проводила взглядом пустую скамейку. Старухи нигде не было видно.

Когда машина вывернула из-за гаража, Карина отпила из тёплой бутылки лимонада и сморщилась: в нос ударил газ.

— Чего она там? Колдовала? — пытаюсь засунуть бутылку в проём у сидения, спросила она. Машина раскачивалась на ухабах, и газировка всё никак не хотела вставать в выемку на дверце.

Лариса Дмитриевна крепко сжимала руль, высоко задрала голову, сосредоточенно смотрела вперёд на дорогу.

— Ага. Сначала в комнате всё шептала чего-то по-мордовски. Я не поняла. Потом прям из ведра умыла Катюху. Та аж обчихалась вся. А когда пошли за баню, у неё там калитка в лес есть... Она меня на участке оставила, а сама с Каткой пошла. Но ограда низкая, я всё видела. Да и ушли они буквально вот — метров десять. Там роща берёзовая начинается. И молодые деревца все полосками разноцветной ткани увешаны. Прям каждая-каждая веточка. Они ещё на ветру так красиво раскачиваются. Вот она и Катке дала отрез такой. Та вроде как его тоже привязала.

— И всё? — протянула Карина.

— Всё. Вот тебе и вся магия, — усмехнулась женщина.

Они вывернули на асфальтированную дорогу. Мимо с грохотом пронеслась фура.

— Мам, а эта колдунья там одна была? — Карина посмотрела на розовеющие в поле головки иван-чая.

— Вроде да. Я в той комнате, куда она нас позвала, никого не заметила больше.

Пропустив две машины, Лариса Дмитриевна вывернула на трассу. Скособооченная железная табличка с надписью «Карьга» осталась позади.

— Баба, — раздалось с заднего сидения.

— Что? — тихо спросила женщина.

— Баба, баба, деда, — пробормотала девочка.

Карина обернулась к сестре.

— В комнате две бабы и деда были?

Малышка кивнула. Карина сглотнула.

— А чего делали?

Катя широко улыбнулась, обнажив зубки, и тыкнула в резец пальцем.

Лариса Дмитриевна нажала на газ, машина прибавила хода.

Домой они добрались к шести вечера. Карина с явным наслаждением скинула балетки и положила пакеты с покупками на пол. Лариса Дмитриевна, держащая девочку на руках, поставила Катю.

— Фух, ну и денёк, — пробормотала девушка, открывая дверь ванной, — я в душ.

Женщина отвлеклась от помощи с сандаликами и подняла голову.

— Спасибо, что съездила, — улыбнулась она.

Карина усмехнулась и скрылась за дверью. Оперевшись на раковину руками, она сняла резинку. Тёмно-русые волосы опали густой волной. Прищурилась, разглядывая тонкий нос в отражении. Провела пальцем по щекам, отмечая веснушки. Втянула щеки, высматривая наиболее выгодный ракурс.

За дверью послышался топот детских ножек. В зале, одновременно служащем родительской спальней, зазвучал телевизор.

Повернула вентиль, капли воды застучали по фаянсу. Джинсы вместе с футболкой и нижним бельём полетели в угол. Встала под струи тёплой воды и прикрыла глаза.

Из темноты под веками пришёл образ той самой самодельной игрушки. Чёртов хлебный мякиш, обмотанный нитками и каким-то тряпьем.

В голове будто гроыхнуло чужое «Зря!».

Карина резко распахнула глаза и оперлась о кафедру. Обвела взглядом потолок, штору с жёлтыми утятами, две полочки с гелями и шампунями. Привычная домашняя атмосфера.

Из коридора донёсся звук захлопывающейся входной двери.

— Я дома, — пробасил мужской голос.

Она выдохнула и потянулась за мочалкой.

Наспех помывшись, она запахнула халат и прошла на кухню.

— Привет, Карин, — поприветствовал её сидевший за столом крупный мужчина, не отвлекаясь от телевизора.

— Привет, папуль, — девушка достала из холодильника бутылку с питьевым йогуртом.

Отец отправил в рот ложку окрошки, не отрываясь глядя, как по экрану телевизора бегают футболисты.

— Как день прошёл? Чего делала?

Карина устроилась на соседней табуретке. Лариса Дмитриевна резала что-то на доске, стоя к ним спиной.

— Всё нормально. Как всегда, с мамой по ТЦ погуляли. Ну и жара сегодня.

Женщина повернула голову и коротко кивнула:

— Ага, в центре прям печёт, — протянула она, не отвлекаясь от готовки.

Мужчина усмехнулся и зачерпнул ещё ложку.

— Ты как, сегодня в ночную опять?

Карина сделала глоток йогурта из бутылки. На экране крупным планом показалась чья-то нога с мячом.

— Ага, Танюха попросила поменяться.

Отец отложил ложку и посмотрел на девушку.

— Может, уже нормальную работу себе найдёшь? Сколько раз я тебе к нам в администрацию предлагал.

— Пап, ну не начинай, — перебила его она.

— Ну а что, так-то отец прав, — Лариса Дмитриевна развернулась, в её руках блеснуло лезвие ножа. — Понятно, за ночные лучше платят. Но ты в этом магазинчике вообще одна. Случись чего, куда бежать? Кого звать?

— Мам, я же вам говорила, там тревожная кнопка есть, — пластмассовая бутылка опустилась на стол с глухим звуком.

— Карин, ну это не серьёзно. Ну что за работа — цветы перекладывать, — протянул мужчина.

— Нормальная, пап, за которую платят. А у вас в этой вашей администрации я кем буду без образования? Принеси-подай?

— Всё ж с чего-то начинали, — возразил он, нажимая кнопку на чёрном пульте. Телевизор в ту же секунду погас.

— А по поводу образования — так ты иди в наш университет поступай. У меня тётя Оля в приёмной комиссии на экономическом сидит. Ещё успеешь, — женщина споласкивала нож под струей воды.

— Во-первых, я не хочу на экономический. Мы это уже обсуждали. И какой смысл мне в нашей дыре торчать? Скоплю денег на Москву.

— Слышали, знаем. Ларис, чайку сделаешь?

Карина встала, оставив йогурт на столе, и вышла из комнаты.

Глава 2.Стекло и топор

Наспех высушив волосы, Карина натянула коричневую юбку и полосатую футболку. Сняла телефон с зарядки. Повертелась у зеркала и, чуть подумав, легко подкрасила глаза.

С кухни доносились звуки льющейся воды. Из спальни сестрёнки — негромкий размеренный голос. Мама читала Кате на ночь сказку. Наверное, «Приключения Нильса и его гусей», как всегда. Стараясь не шуметь, девушка тихо прошла в прихожую, накинула джинсовку и сунула ноги в балетки. Улыбнувшись своему отражению в зеркале, она вышла из квартиры.

Духота старого подъезда сменилась вечерней прохладой. Миновав заросший зеленью двор и скривившись при виде белого лебедя из крыши, она зашагала в сторону городского парка. Через тонкую подошву балеток ощущая разогретый асфальт, девушка переступила через бордюр и прошла по проезжей части.

— Ремонт навсегда, — пробормотала она.

Коммунальщики уже три недели воевали с протекающими трубами. И пока борьба явно складывалась не в их пользу: залатанные чёрными квадратами тротуары говорили, что сегодня опять что-то пошло не по плану.

Частный сектор справа темнел разномастными заборами. Где-то брехали собаки. Карина вдохнула — к запаху горячего асфальта примешивался аромат бани. Из открытого окна пятиэтажки справа донеслась музыка. Кто-то слушал Высоцкого.

Она взглянула на экран телефона и заспешила. До начала смены оставалось десять минут.

Свернула у притихшего за кованым забором парка. В наступивших сумерках силуэты аттракционов виделись инопланетными кораблями.

Мимо неё, посигналив, проехала побитая жизнью «девятка». Из неё громко играла ритмичная музыка. В недрах машины что-то грохнуло и тряхнуло, и она с видимым усилием унеслась вперёд.

Карина проводила взглядом удаляющийся автомобиль. Когда тот свернул куда-то на боковые улочки, дорога опять утонула в тишине. На небе зажглись первые звёздочки. В пустынном переулке каждый шаг отдавался размеренным эхом.

Девушка оглянулась. На мгновение показалось, что ствол высокого тополя скрыл чей-то силуэт. Сердце у Карины на долю секунды подпрыгнуло, но она тут же отвернулась и ускорила шаг.

На крыльце единственного на всю улицу ярко освещённого магазина стояла Танюха. У соседней двери едва подрагивала вывеска «Продукты»: буква «о» мигала, то вспыхивая, то гаснув. У крыльца темнел покосившийся ящик для бутылок с криво наклеенной бумажкой: «Сдавайте тару — получите скидку».

Из-за чёрных туфель на высокой шпильке и без того высокая девушка казалась ещё выше.

— Привет, — Карина задрала голову.

Сменщица, затаившись, выпустила клуб белого дыма.

— Каринка, привет, — протянула она. — Ты куда сегодня такая красивая?

Таня разгладила красное короткое платье, чуть потянув вниз. Хуже закрывать длинные ноги оно при этом не стало.

— Не знаю пока. Может, в «Радо», может, в «Медведя». Вроде в центре обещали дискотеку, а после полуночи — бар.

— Понятно. С Максом? — Карина проследила взглядом, как комар безуспешно долбил в стеклянную дверь за спиной сменщицы.

— Ты не знаешь? Мы ж с этим козлом расстались. На этот раз точно и насовсем, — Таня шмыгнула носом.

— Что случилось? — удивилась Карина.

— Да он к новой тёлке в Пензу умотал. Прикинь, бросил меня по смс. А клятв-то было, — она, согнувшись, почесала коленку.

— Реально козёл. — Через стекло Карина посмотрела на оставленные на полу коробки. — А ты чего вечерний завоз не разобрала?

Таня обернулась, кинула короткий взгляд на торчащие из картона цветы.

— Сорри, закрутилась. Да там привезли их всего минут тридцать назад, — она на секунду задумалась, будто решая, продолжать ли ей фразу, — ладно, может, час.

— Танюх, — протянула Карина, — нас Васильич уже в прошлый раз за такое оштрафовал.

— Извини, извини, — она ловким движением вытащила из лакированной сумочки ключи и протянула связку. Металл звякнул, и этот короткий звук странно чётко прозвучал в тишине улицы.

Карина забрала ключи и скользнула за дверь. Таня, бросив окуроч в направлении урны, стала медленно спускаться с крыльца.

В помещении мерно жужжали лампы. Справа за стойкой продавца разместились огромная холодильная витрина. В ней — с десятков разноцветных букетов: укутанные в плёнку розы, астры, герберы ждали своего часа.

Карина коротко кивнула сидящему у кассы полуметровому игрушечному медведю. Его пытались продать с прошлого октября. От бесконечных переключений-переездов на плюшевой шерсти появились потёртости. На левом глазу-пуговице шла трещина. Чуть дальше у самой стены — место флориста: обрезки стеблей, секатор, баночки с подкормками, рулоны скотча, моток бечёвки.

— Убрала я, Карина, всё убрала, — передразнивая коллегу, устало протянула она.

Девушка скинула джинсовку, забросив её на стоящий за кассой стул, и двинулась к завалявшему стеблями столу.

Через полтора часа уставшая Карина сделала большой глоток кофе. Напиток, дожидавшийся её час, безнадежно остыл.

Она поставила чашку с яркими солнышками на стойку и ещё раз пробежалась глазами по записям в тетради.

— Кажется, сходится, — скользя пальцем по графе «Приход», пробормотала она. В этот момент она как будто вынырнула из цифр и подняла глаза.

На входе звякнул колокольчик.

В магазин вместе с духотой улицы зашёл мужчина средних лет. Не глядя на девушку, он принялся изучать букеты за её спиной, крутя на пальце автомобильный брелок.

— Вам что-нибудь подсказать? — поинтересовалась она.

Мужчина ещё раз обвёл взглядом цветочное изобилие.

— Вам готовый букет или собрать?

— А что подешевле? — не прекращая вращать брелок, спросил он, нахмурясь.

Карина показала на ромашки, разместившиеся в самом углу холодильника. Покупатель, привстав на цыпочки, бросил на них оценивающий взгляд.

— Не, если я с такими домой припрусь, то моя меня второй раз выгонит. Давайте эти, — он ткнул пальцем в стоящие в верхнем ряду бархатные алые розы.

— Они по двести рублей за цветок идут, — предупредила Карина, поворачиваясь к холодильнику.

— Что не сделаешь ради семейного счастья, — пошутил и тут же сам хохотнул мужчина.

Девушка достала россыпь крупных цветов на длинных ножках. Большинство бутонов ещё не раскрылись, на лепестках мерцала влага, от роз шёл лёгкий, нежный аромат.

— Вам сколько в букет сделать? — уточнила она, уложив цветы на столик флориста.

Он на секунду задумался, нахмутив лоб, отчего над бровями расплзлась крупная морщина.

— А сколько обычно берут?

— Все по-разному. Три, шесть, двенадцать, — доставая фольгу из ящика, пробормотала Карина.

Мужчина покрутил на пальце золотое кольцо, вздохнул:

— Давайте три. Будет с неё.

Пока она заворачивала розы в фольгу и перехватывала лентой, Карина краем глаза ловила его отражение в стеклянной дверце витрины. И на долю секунды ей показалось, что в этом отражении улица за его спиной стала чуть темнее, чем должна быть. Карина моргнула, ощущение исчезло.

Расплатившись, мужчина двинулся к выходу. Букет он нёс, выставив впереди себя, словно щит.

Звякнул колокольчик. Недавний клиент столкнулся в дверях со входящей парой. Карина широко улыбнулась.

— Привет, Лиль. Рамилька, рада видеть, — помахала она друзьям.

Девушка в длинном зелёном платье перегнулась через стойку и прошлась рукой по волосам Карины, взъерошив пучок.

— Привет, лесная царевна. Или лучше сказать, цветочная, — ухмыльнулась Лиля. — Опять тут ночуешь?

Карина неловко улыбнувшись, пожала плечами.

— А эта твоя дылда, — Лиля махнула рукой вверх, словно отмеряя рост, — опять по клубам свою любовь ищет?

— А ты откуда знаешь, что она с Максом рассталась? — удивилась Карина.

Подруга помахала экраном телефона.

— На неё весь город подписан. Любовное шоу онлайн.

Коренастый брюнет, стоящий за Лилей, неловко хмыкнул. Она резко развернулась к нему:

— Будто бы не так. Скажи, что не помнишь, как по зиме комендантша общаги заставила Танюху все признания её Ромео со стен оттирать.

— Вот так Макс и узнал о существовании смываемых маркеров, — в том же шутливом тоне ответил Рамиль.

Карина прыснула.

Лиля подобрала со стола розовую астру и повертела в руках.

— Как к той бабке съездили? — она вопросительно посмотрела на Карину.

Та стала сгребать в мусорное ведро обрезки стеблей.

— Да не бабка там. Тётка, лет сорока или пятидесяти, — всё ещё глядя куда-то вниз, пробормотала она.

— А чего ездили? — вмешался Рамиль, приобнимая Лилю за плечи.

— У меня сестра маленькая, — Карина замаялась, — вообще проблемы у неё. Доктора не помогли. Вот Таня посоветовала одну знахарку.

— Ого, — выдохнул парень.

— Короче, рано ещё говорить. Только сегодня вернулись, — уклончиво пробормотала Карина.

Звякнул колокольчик, но дверь не открылась. Лиля, повернувшись на звук, медленно повернула голову к подруге.

— Расскажи, а? Я никогда с таким не сталкивалась. Она типа в избушке на курьих ножках живёт? Ворон держит? — она по-детски широко округлила глаза.

— Брось, — Карина провела по волосам, поправляя причёску. — Обычная тётка. Живёт у леса — здесь угадала. Но никаких ворон, по двору, как у всех, бегают куры.

— А я уж надеялась, — протянула Лиля.

Холодильная витрина протяжно пикнула.

— Мы чего приехали-то. В выходные на озеро собираемся с ночёвкой. Ты с нами? — Лилия положила голову Рамилю на плечо.

— Можно, наверное. Если погода будет хорошая. Ну и родители...

— Карин, тебе не пятнадцать. Скажи, что ты уже совершеннолетняя, работаешь и имеешь право на отдых, — Лилия, как всегда, была категорична.

— Ага. Так и скажу, — улыбнулась девушка.

Рамиль что-то прошептал Лиле на ухо.

— Ладно, мы тут дальше по делам. А ты запомни — в субботу в семь. Заедем за тобой. И чтоб не отмазывалась, — Лилия заправила астру за ухо и стала похожа на цыганку.

— Да-да, — Карина дважды кивнула.

Друзья ещё на секунду задержались у стойки — Лилия подмигнула, Рамиль чуть наклонил голову в прощальном кивке.

Карина осталась одна. И тишина, которая нахлынула следом, была уже не той привычной тишиной ночного магазина, а какой-то густой, неприятной, неуютной. Казалось, что даже звуки с улицы стихли. Девушка обвела взглядом крохотное помещение.

На первый взгляд казалось, что всё на своих местах. Она покосилась на стеклянную дверь. Вывеска соседнего магазина мигала, на крыльце то и дело появлялись разноцветные полосы света.

Карина выдохнула и сделала глоток кофе. Посмотрела на телефон — часы показывали половину двенадцатого. Она уселась поудобнее и принялась листать фото. Веки постепенно становились тяжёлыми, глаза слипались. Она сама не заметила, как опустила голову на руки и задремала.

Ей снилось, что она шла по лесу. Вокруг всё было белым, хрустальным, прозрачным. Но снега она не видела. Девушка медленно брела по стеклянному лесу.

Берёзы вокруг стояли ровные, тонкие, их стволы отливали холодным блеском, а листья были словно вырезаны из тонкого стекла: острые, хрупкие, звенящие от малейшего движения воздуха. Ветви сплетались над головой, образуя полупрозрачный купол, сквозь который пробивался странный, неживой свет — не солнечный и не лунный, а будто бы светящийся сам по себе.

Карина пошла вперёд, осторожно ставя ноги, чтобы не наступить на что-нибудь острое. Каждый её шаг отзывался тихим звоном, будто под землёй лежали тысячи крошечных колокольчиков. Она хотела остановиться, прислушаться, но лес не давал тишины: он шептал, звенел, вздыхал стеклянными ветвями.

Тропинка вилась между деревьями, уводя всё глубже. Карина пыталась запомнить повороты, чтобы потом найти дорогу назад, но стоило ей обернуться, как тропинка исчезала, растворяясь в переплетении стеклянных стволлов. Повинуясь судьбе, девушка шла.

До неё донеслись глухие, ритмичные удары. Не в силах совладать с искушением, Карина двинулась в сторону звука.

Он стоял к ней боком, плечи его тяжело вздымались, а в воздухе висел запах чего-то горького, металлического. Он снова замахнулся и ударил. Топор врезался в ствол берёзы, и вместо щепок полетели острые осколки вперемешку с брызгами чего-то бордового. Карина стояла, будто заворожённая, глядя, как медленно сквозь пространство летят брызги крови. Она завертела головой в панике. Выхода не было видно.

Стекло разлетелось с пронзительным визгом, и один из осколков, длинный и тонкий, как лезвие, повис в воздухе, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Яркие капли разлетелись

во все стороны и теперь медленно стекали по стволам соседних деревьев, оставляя за собой причудливые узоры.

Мужчина ещё раз замахнулся. Его крепкие, загорелые руки плотно сжимали рукоять топора. Одет он был по моде прошлого века. Надвинутая на лицо кепка-восьмиклинка, синяя фуфайка, чёрные штаны.

Карина было спряталась за берёзу. Но рубивший не обратил на неё никакого внимания. Снова удар — призрачный лес отозвался стеклянным звоном. Во все стороны полетели осколки стекла. Брызнула кровь.

Девушка, повинувшись не своей воле, вышла из укрытия и приблизилась. Мужчина продолжал махать топором. Карина сделала ещё шаг вперёд в попытке рассмотреть его лицо. Он, словно прочтя её мысли, отвернулся. И снова перед Кариной виднелась только его спина.

Под ногой хрустнуло, раздался звук, будто треснула тонкая ледяная корка. Она невольно втянула голову в плечи, ожидая, что мужчина сейчас резко обернётся, но он будто и не слышал этого хруста, будто её здесь и не было.

Он снова замахнулся, и на этот раз Карина отчётливо увидела, как лезвие, врезаясь в стеклянный ствол, на долю секунды темнело, словно впитывало в себя что-то.

Мужчина опустил топор, тяжело дыша, и на секунду замер, будто прислушиваясь к чему-то, чего Карина не слышала. Плечи его дёрнулись, как от озноба, и он медленно, очень медленно начал поворачиваться.

Сердце Карины подпрыгнуло к горлу. Ей хотелось закричать, рвануться прочь, но она стояла, прикованная к месту, и смотрела, как из-под козырька восьмиклинка показывается край лица: грубая щетина, резкая складка у рта, тень под глазом...

И тут лес дрогнул. Не от удара — от чего-то другого, идущего сразу и отовсюду. Стеклянные ветви закачались, зазвенели, как натянутые струны. Этот звук нарастал, сливаясь в один протяжный, невыносимый вой. Карина закрыла уши ладонями, но звук был словно внутри головы, в груди, повсюду.

А потом всё оборвалось.

Карина распахнула глаза.

Судорожно вдохнула воздух — так делают пловцы, выныривая из глубины. Оглядела ярко освещённое помещение. Взгляд скользнул на стол флориста — на нём что-то блестело. Яркий осколок отражал свет от ламп накаливания. Маленький, прозрачный, с острыми гранями. И она там оставить его не могла.

Карина закусила губу. В висках предательски застучало.

Прозвенел колокольчик на входе.

Карина открыла глаза.

— Что, сладко спалось? Минус две тысячи, — Сергей Васильевич бухнул кожаную сумку-барсетку на стол перед девушкой.

— Я... Я не спала, только на минуту глаза закрыла, — пыталась оправдаться девушка, на шаривая рукой телефон.

— Бесплатный сон закончился в детском садике. Две тысячи, Карина. — Хозяин магазинчика развернул к себе лежащую на столе тетрадь. — Хм, небогато. Вот по камерам ещё посмотрю, во сколько вы вечерний привоз разобрали.

Карина сжала кулаки, пряча дрожащие пальцы в складках юбки. Осколок на столе по-прежнему лежал там — маленький, острый, будто насмехался над её попыткой убедить себя, что это просто игра света. Она скосила на него взгляд и тут же отвернулась.

— Да я только на секунду... — голос сорвался, и Карина мысленно выругалась: оправдываться перед Васильичем всегда было бесполезно.

Мужчина хмыкнул, не отрываясь от тетради. Его толстые пальцы с обкусанными ногтями медленно водили по строчкам, будто выискивали в цифрах подтверждение её вины.

Карина покосилась на экран телефона. Стрелки показывали без десяти два.

— Вечерний привоз... — начала она, но Васильич резко поднял голову, и она осеклась.

В его глазах не было злости — скорее усталое, привычное, вьевшееся раздражение.

— Не надо мне здесь, — процедил он, постукивая ногтем по столу. — Камеры не для красоты висят. И если ты думаешь, что я не вижу, как ты здесь сидишь, уставившись в одну точку, пока розы вянут...

Он недоговорил, только махнул рукой, будто отмахнулся от мухи, и снова уткнулся в записи.

Карина опустила глаза. На столе, рядом с осколком, лежал скомканный обрывок упаковочной бумаги — она сама его туда бросила час назад, или два назад.

Она потянулась к нему, чтобы смахнуть, и пальцы скользнули по осколку. Тот был холодным — не просто прохладным, а ледяным, будто только что из морозильника. На подушечке пальца осталась крошечная царапина, и из неё медленно выступила капля крови, круглая, тёмная, как вишнёвая косточка.

Карина резко выпрямилась, вцепившись пальцами в край стойки.

— Что-то не так? — Васильич наконец поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

— Нет, — быстро ответила Карина, мотнув головой. — Просто... показалось.

— Ладно, — он захлопнул тетрадь с глухим звуком. — Две тысячи пока запишу как предупреждение. Но чтобы больше никаких «на секундочку». У меня здесь не ночлежка.

Мужчина схватил со стола барсетку и, не прощаясь, направился к двери.

Колокольчик коротко звякнул, провожая его.

Глава 3. В гостях

— Ну мам, — протянула Карина, ёрзая на кухонном уголке.

Лариса Дмитриевна поставила перед ней тарелку с тушёной курицей.

— А что мама? Я тёте Поле ещё две недели назад обещала, что мы в субботу всей семьёй к ней. В баньке попаримся, шашлык поедим.

Девушка поковыряла кусочки и пристально посмотрела на мать. Та, словно не замечая обращённого взгляда, отвернулась к плите. Из зала раздался взрыв наигранного хохота, а следом за ним застучала в ладошки Катя.

— Как оно? — как можно более равнодушно спросила Карина.

— Да вроде получше. Ночами хоть спать начала, — закидывая в заварник ложку чая, проговорила женщина. — И она, и я.

Карина отправила кружок помидора в рот.

— Значит, работает?

Лариса Дмитриевна повернулась, расправив полы зелёного халата. Слегка хмурясь, засунула руку в карман, словно пыталась отыскать там верный ответ.

— Пока рано говорить. Всего пара дней прошла. Но хуже точно не стало, — пожала плечами она.

Девушка состроила жалобный вид.

— Ну мамусик.

Та оборвала её взмахом руки.

— Карин, и не проси. Если бы просто на день, то ещё ладно. Но с ночёвкой — я на такое точно разрешения не дам.

— Но мне уже восемнадцать, — попробовала протестовать девушка.

— Ага, два месяца назад исполнилось. Я помню. — Она помешала черпаком в булькающей на плите кастрюле.

С улицы донеслись крики детей. Хлопок, взорвалась петарда.

— Мам, ну сколько я могу дома сидеть? — Карина резко отодвинула тарелку, так что вилка звякнула о край. Подлива выплеснулась, забрызгав белую матерчатую скатерть.

— Ты не сидишь дома. Но и с ночёвками невесть где не шаришься, — отчеканила Лариса Дмитриевна.

Девушка схватила лежащий на столе телефон и опрометью выбежала из комнаты.

Ласковое летнее солнце отражалось в лужах. Сверкали изумрудами капельки на непросохших листьях. После недели изматывающей жары гроза принесла в город свежесть и облегчение.

— Лёш, пакет с шампурами только не забудь. Они на кухне лежат, — Лариса Дмитриевна вынырнула из салона «Лады».

Мужчина раскраснелся, пытаясь упихнуть в багажник объёмную коробку.

— У них там в Ичалках, чего, магазинов нету?

Женщина щёлкнула замочком детского кресла. Катя, вертящая в руках однорукую Барби, отозвалась весёлым агуканием.

— Есть, но такие инкубаторы только здесь в центре продаются. На них скидка сейчас пошла, вот Польша и попросила привезти.

Дверь подъезда открылась, Карина, одетая в застиранную футболку с любимой группой и синие шорты, прошагала к машине, волоча с собой сумку. При каждом движении рюкзак на длинной лямке бил её по спине.

— Мы точно туда не на неделю? Или не к тётё Поле, а в тайгу? — с сарказмом пробурчала она.

— Это, доча, называется основательным подходом, — приподнимая коричневую коробку, ответил ей мужчина.

Машину чутко качнуло, когда он попытался просунуть груз подальше в багажник.

Карина закинула рюкзак на заднее сиденье и уставилась в телефон. Пробежала ещё раз по сообщению от Лили:

«Как нам за тобой заезжать?»

Закусила губу. Пальцы забегали по экрану, набирая: «Нет, сегодня пас. Семейная поездка. Хорошего отдыха!» Немного подумав, добавила смеющийся смайлик и нажала на кнопку отправить.

— Так, семейство, грузимся. Пять минут — и стартуем, — бросил отец, убегая в подъезд.

Карина опустила на заднее сиденье, улыбнулась сестре и заткнула уши наушниками. Лариса Дмитриевна грузно уселась впереди, обернулась — скользнув по Карине недовольным взглядом — и тут же потеплела, глядя на Катю.

Девушка нажала на кнопку — громкость песни взлетела на максимум.

Через пару минут мужчина сел за руль, и машина тронулась.

За спиной остались городской парк и возвышающийся над рекой храм. Карина проводила глазами отделанное красным кирпичом здание железнодорожного вокзала и стоящий за железной оградой поезд. Мысли её унеслись в туманное будущее, вокалист взял высокую ноту. Она, вздохнув, закрыла глаза.

Через полтора часа дороги, где за окном плавно сменяли друг друга золотистые поля, тёмные островки рощиц и зеркальные глади небольших водоёмов, серая «Лада» наконец свернула на просёлочную дорогу. Пыль взметалась из-под колёс, оседая на траве, а воздух становился всё гуще от запахов сена, нагретой земли и полевых трав.

Машина свернула с асфальтированной дороги к большому деревянному дому, окружённому невысокой оградой. Из-за неё доносился неугомонный детский смех, перемежающийся азартными криками: «Нет, тебя замаяли, тебя!» Рядом с калиткой стояла дородная темноволосая женщина — тётя Поля.

— Чего там у Польки за детский сад? — притормаживая у высокого клёна, спросил отец семейства.

— Да поди соседка опять своих на присмотр сдала, — весело отозвалась Лариса Дмитриевна.

Оглянувшись на заднее сиденье, она быстро пробормотала:

— Так, Карин, ты давай Катюшу отстегни. Лёш, пакеты-пакеты в дом заноси.

Когда Лариса Дмитриевна вылезала из машины, сиденье под ней жалобно скрипнуло.

Девушка открыла дверь со своей стороны — в салон ворвался порыв раскалённого воздуха. Следом за жарким маревом послышалось блеяние козы и урчание трактора где-то неподалёку.

— Уф, вот это у вас здесь жара, — Лариса Дмитриевна утёрла пот со лба. — Дождика не было.

— Какой, — растягивая гласные, ответила ей сестра, — уже почти что неделю ждём. А у вас был? Как добрались? Дорога скользкая?

Женщины крепко обнялись.

— Дождик сегодня с утра хорошо так полил. Добрались нормально, ага, — Лариса Дмитриевна повернулась к мужу. — Лёшк, давай заноси. Не помялось там? — она проводила взглядом мужчину, несущего в каждой руке по пакету.

Хозяйка тоже повернулась в сторону отца Карины и выкрикнула ему в спину:

— Мишка там в бане. Второй час топит.

— Хорошо, — бросил ей мужчина, скрывшись за углом дома.

Тётя Полина расплылась в улыбке, глядя на сидящую на руках у Карины девочку.

— А кто к нам приехал, такая красивая?

Смутившись, Катя спрятала в ладони лицо и застучала ножками. Следы от сандаликов маленькими кружочками впечатывались в футболку сестры.

Карина чмокнула сестрёнку в щеку и опустила на траву. Та, хватаясь руками то за борт машины, то за воздух, пошлёпала к маме. Тётя Поля, бросив короткий взгляд на сестру, тихо спросила:

— Ну как она?

Лариса Дмитриевна вместо ответа только неопределённо махнула рукой.

— На жаре не стойте, пошли на кухню. Там я квасок холодненький поставила, — тётя Поля поспешила к калитке. Низ расшитой затейливыми узорами юбки пошёл волнами.

Мать повернула голову и быстро шепнула Карине:

— Ты не злись на меня. Отдохнём, шашлычка поешь... Баньку сейчас отец с дядей Мишей сообразят. А с ребятами как-нибудь потом.

— Да, мам, поняла, — выдохнула девушка и зашагала в сторону дома. Во дворе мальчишеский голос прокричал: — Смотри, сейчас попаду. Через секунду тишину взорвал звук детского плача.

Кухня, что начиналась сразу за небольшой полутемной прихожей, встретила их скрипом деревянных половиц и приятной прохладой. На газовой плите грелась сковородка. Еле слышно шкворчало масло.

Хозяйка подошла к кухонному столу и стала перемешивать что-то в розовой пластмассовой миске.

— Привет, баба Лёнь, — поприветствовала старушку Лариса Дмитриевна, ставя на пол сидевшую на руках Катю.

Закутанная в шаль бабушка в чёрном платье привстала с табуретки и подслеповато прищурилась.

— Не видит почти. А очки носить отказывается — всё молодится, — оторвавшись от готовки, сообщила тётя Поля.

— Всё я вижу, не говори тут, — скрипучим голосом отозвалась старуха.

Скинув рюкзак у ног, Карина расплылась в улыбке.

— Ленида Евграфовна, здравствуйте! — чуть повысив голос, проговорила она.

Бабушка пару секунд всматривалась в лицо девушки, словно вспоминая, кто перед ней:

— Ба, Каринка, да тебя и не узнать. Уже целая невеста. Это ж когда ты в последний раз сюда приезжала. Это ж раньше каждое лето здесь, за уши не вытащишь. Помнишь, как дед Витя тебя на лошади катал? И из дерева тебе птицу-дудочку выстругал?

Карина улыбнулась, припоминая и спокойную кобылу Зорьку, что терпеливо катала её на своей спине по колхозному полю, и чудесную птичку, которая начинала петь, если подуть в круглое отверстие на спине.

— Помню, ага, — протянула она.

Катя, едва коснувшись пола, вдруг замерла, будто прислушиваясь к чему-то. Её маленькие пальчики вцепились в край стола, и на секунду показалось, что она вот-вот взлетит — так неестественно выпрямилась её спинка, а взгляд ушёл куда-то вверх голов, в самый тёмный угол кухни.

— Там... там шуршит, — прошептала девочка, ткнув пальчиком в темноту.

Лариса Дмитриевна только рукой махнула:

— Да это мышь, небось, опять в кладовку пробралась. Не бойся, Катюш.

Но Катя не сводила глаз с угла и вдруг звонко, совсем не по-детски, приказала:

— Уйди!

В тот же миг из темноты вынырнула серая тень и метнулась к двери, оставив после себя не шорох лап, а странный, сухой звук — будто кто-то провёл веткой по стеклу.

Ленида Евграфовна медленно опустила руку, которой собиралась потянуться к чашке, и прищурилась, вглядываясь в Катю так, будто видела её впервые.

— Что это ты, деточка, говоришь? — тихо спросила она.

Катя как ни в чём не бывало опустила плечи, поморгала и потянулась к старушке, просительно разведя ручки:

— Ба...

Тётя Поля, не заметив ничего странного, рассмеялась и протянула девочке круглое песочное печенье:

— На, только не кроши на пол.

Стоявшая у двери Карина всё ещё чувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она покосилась на сестру, потом на бабушку — та по-прежнему смотрела на девочку с каким-то насторожённым вниманием, но тут же тряхнула головой и проговорила, будто отгоняя наваждение:

— Банька там как? Готовая?

Тётя Поля кинула короткий взгляд в окно и, вернувшись к готовке, ответила:

— Дымок из трубы пошёл, значит, скоро будет.

Хозяйка налила в горячую сковородку половником жидкую смесь. Горячее масло забулькало.

— Ларис, вы давайте в папиной комнате располагайтесь. Я там Матвеевскую старую кровать собрала, Катюшке должно подойти.

Карина подхватила лежащий на полу рюкзак. Лариса Дмитриевна подняла младшую дочку на руки.

Когда лицо Кати оказалось вровень с лицом Карины, девушка заметила, как во взгляде сестрёнки на секунду скользнуло что-то чуждое — зрачок сделался неестественно узким и длинным. Малышка хлопнула глазками — морок исчез.

Карина покосилась на сидящую за столом бабушку — та, будто невзначай, трижды постучала костяшками по деревянной столешнице. Старый деревенский обычай: отвести дурной глаз, сбить порчу, если вдруг почудилось неладное.

Девушка поспешила покинуть кухню.

В отведённой им комнате Карина бросила в угол рюкзак и уселась на продавленный диван, застеленный узорной накидкой. Из приоткрытого окна доносились детские крики, чуток тянуло костром.

Она посмотрела, как за белым тюлем раскачиваются стоящие в огороде яблони. На некоторых уже висели спелые плоды.

— Так, — выдохнула она, стараясь отогнать от себя странное видение.

Покрутила головой, вытащила из заднего кармана телефон. Пружина в диване под ней жалобно скрипнула.

Она промотала ленту, посмотрела на горящих зелёным пользователей. Лили в сети не было.

— Конечно, лето, речка, пляж, — пробормотала себе под нос она.

Карина подняла голову и провела взглядом по небольшой комнатухе. Светлые обои в цветочек она не помнила — наверное, их поклеили уже после того, как она перестала сюда приезжать. А вот коричневый платяной шкаф, что стоял напротив дивана, был хорошо ей знаком. Сколько раз он становился её убежищем во время игр в прятки. Губы невольно растянулись в улыбке.

Со стены на неё смотрели два крупных чёрно-белых портрета. Дед Витя, запечатлённый в свои сорок или пятьдесят. С прищуром смотрит в объектив. В пиджаке, на лацкане блестят ордена. Кудри по тогдашней моде зачёсаны вверх. На голове фуражка.

И баба Матрёна — её Карина никогда не знала. Только слышала от матери и тёти Поли рассказы о необычайно приветливой женщине. И что она, сама, оставшись в войну с тремя детьми на руках, приютила и тем спасла женщину с младенцем на руках. Та шла мимо деревни, сама не зная куда, не разбирая дороги. Карина вгляделась в круглое, покрытое сеткой морщин лицо.

В комнату заглянула Лариса Дмитриевна. Переодетая в лёгкое платье без рукавов, она закинула на плечо жёлтое банное полотенце.

— Всё в телефоне сидишь? Выйди во двор — на улице такая красота.

Карина ответила взглядом исподлюбья.

— Не хмурься, морщины пойдут. Я чего — там банька готова. Мы сейчас с тётёй Полей первый пар снимем. Потом мужики пойдут. А под конец я бы тебя и Катюшку попарила.

Девушка замотала головой.

— Я пас. Даже сменку с собой не привезла, — кивнув на лежащий в углу рюкзак, пробормотала она.

Мама зашла в комнату и потянула за круглую деревянную ручку. Створка открылась, и перед Кариной предстали три полки с разложенной одеждой. Чистота и порядок в шкафу были просто армейские.

— Вот, выбирай, — указала женщина на аккуратные стопки. — И не криви нос, всё чистое.

Карина с явной неохотой поднялась и двинулась к предложенному мамой тканому великолепию.

— И славненько. Через час тогда позову, как температура спадёт, — Лариса Дмитриевна поправила сползающее полотенце и, напевая нехитрую мелодию, вышла из комнаты.

Девушка зацепила лежащую сверху серую накрахмаленную сорочку и вытащила из шкафа. Ткань ухнула вниз, обнажив нашитые в районе груди затейливые цветочные узоры. По виду ночнушка была велика Карине размеров на пять.

— М-да, за невесту не сойду, но за мордовское привидение — хихикнула она в ответ своей же шутке.

Когда через час до неё донёсся мамин зов — «Пошли, банька остыла!» — девушка успела уже почти задремать.

Карина накинула эту необъятную сорочку, и та повисла на ней, как полотнище. Девушка фыркнула, закатала рукава и вышла во двор.

Солнце уже клонилось к закату, длинные тени деревьев тянулись через весь огород. От бани несло густым, влажным жаром, и воздух дрожал над дощатой крышей. У крыльца на лавке тётя Поля раскладывала ольховые веники — пучки тёмно-зелёных веток с мелкими шершавыми листьями.

— Вот, самые хорошие, — проговорила она, похлопывая ладонью по связкам. — Ольха пар мягкий даёт, лёгкий, для деток самый подходящий.

Карина только плечами повела, тут из дома выскочила Катя — в крошечной простынке, завернутой наподобие туники, и с размаху плюхнулась на лавку рядом с вениками. Девчушка хихикнула, схватила один веник, прижала к лицу, словно собиралась нюхать. Но тут же отёрнула, сморщившись, будто от резкого запаха, и вдруг тонким, пронзительным голосом выкрикнула:

— Голько!

Тётя Поля засмеялась, глядя на девочку:

— Да что ты, милая, это ж ольха. Она терпко пахнет, но не горько.

Катя отбросила веник на лавку и принялась внимательно изучать росший у входа в баню чертополох.

— Ну вот, а то «горько», — снова улыбнулась тётя Поля. — Сейчас мамке скажем, пусть попарит тебя да с этим веничком, чтоб никакая хворь не пристала.

Услышав про баню, Катя в ту же секунду замерла и подняла голову, уставившись на женщину. Взгляд её, растеряв прежнюю лёгкость, стал настороженным.

— Не хочу туда, — протянула она грудным голосом и сжала кулачки. — Там горячо. Шепчет.

Подошедшая Лариса Дмитриевна только махнула рукой.

— Да кто же там шепчет? Это пар шипит. И того сейчас немного, всё вышло. Пошли попаримся, для здоровья полезно. Карин, ты тоже не стой столбом, забегай.

Женщина подхватила дочку на руки, и та моментально уткнулась ей в плечо, обвив шею тонкими ручками.

Внутри бани было горячо: пахло раскалённым деревом и влажными травами. Лариса Дмитриевна плеснула воды на каменку — пар взвился белым облаком, зашипел. Она усадила девочку на полку и взяла оставленный тут же ольховый веник. Легонько провела над головой ребёнка.

Карине показалось, что сестрёнка оскалилась.

Глава 4. Волчок

Карина моргнула.

Лариса Дмитриевна, как ни в чём не бывало, тряхнула над сидящей девочкой веником, заслонив им её от Карины. Девушка замерла, прислушиваясь. На секунду показалось, что под ольховыми листьями утробно зарычали. Такие звуки издают собаки, оцетинившиеся, с поднятой холкой, готовые в следующую секунду броситься на тебя.

Девушка перевела взгляд на мать. Та, словно не слыша странного звука, зачерпнула железным половником воду из стоящей в углу бадьи и выплеснула немного на камни. Вода тут же обратилась в пар и, выстрелив клубами белёсого дыма, ушла под потолок.

Лариса Дмитриевна занесла веник за Катюшину спинку и легонько стукнула им ребёнка. Девочка сморщилась, сжав маленькие кулачки — обычно за этим следовал взрыв плача.

— Ну, миленькая, горячо, но ты потерпи, сейчас привыкнешь, — легонько постукивая веником по дочке, проговорила она.

Карина уселась на лавку рядом с сестрой. Провела ладонью по лицу, словно надеялась вместе с потом прогнать и минутный морок.

— Хороший пар у тёти Поли, правильный, — продолжила Лариса Дмитриевна.

Катя стукнула кулаком по деревянной скамье и заплакала.

Женщина отложила мокрый веник, наклонившись к дочке. Камни в углу негромко заурчали, отдавая пар. Карина потёрла шею мочалкой.

— Слишком жарко, ага? — вглядываясь в лицо ребёнка, сказала Лариса Дмитриевна. Развернувшись, дотянулась до висящего на стене градусника. Потёрла запотевшие деления. — Ба, и правда. Чего-то мы разогнались, — начала она.

— Боба, — вторила Катя, — бо-ба.

Мать со старшей дочерью коротко переглянулись. Лариса Дмитриевна, закусив губы, подняла девочку с горячего дерева.

— Карин, ты тут домывайся, а мы, наверное, пойдём. Долго так ей всё равно в жаре находиться нельзя.

— Угу, — пробормотала девушка.

Проводив взглядом маму, уносящую сестру, Карина вытянулась на лавке. Закрыла глаза, слушая, как тихо притворилась деревянная дверь. Как Лариса Дмитриевна в предбаннике начала напевать знакомую с детства незатейливую мелодию. На фразе «Мы везём с собой кота, кошку-забияку» девушка улыбнулась.

Через пару минут звуки стихли, скрипнула входная дверь — мать с сестрой вышли из бани. Карина вдохнула носом разгорячённый воздух — пахло травами, мокрым деревом и совсем чуть-чуть детским шампунем. Посмотрела, как капельки воды оседают на резных брусках. Тело чуть ломило от жара. Совсем рядом потрескивали раскалённые камни.

— Бо-ба, — задумчиво проговорила она.

Карина вновь повторила:

— Бо-ба.

Слово не хотело звучать как обычная детская тарабарщина. Оно цеплялось за слух — жёсткое, чужеродное, шершавое. Девушка нахмурилась, машинально проведя ладонью по горячей лавке. Затем привстала.

Потянулась, чувствуя, как от жара клонит в сон, и сделала шаг к углу, туда, где стояли камни. Они тихо потрескивали, выпуская остатки жара.

«Не придумывай», — одёрнула она себя, но всё равно наклонилась, вглядываясь в тёмную щель между камнями и стеной. Оттуда волнами шёл жар, было темно, пахло глиной и

дымом. В этой темноте вдруг что-то шевельнулось — не тень и не блик. Чернота на миг стала глубже, не такой, какой должна быть.

Карина отшатнулась так резко, что ударилась плечом о полку. Боль, пронзившая её от шеи до локтя, была настоящей, резкой. Она выдохнула, зажмурилась, потрясла головой.

— Просто пар. Просто напекло, — произнесла она вслух, и собственный голос в натопленной бане прозвучал неожиданно громко.

Она быстро намочила мочалку, прошлась по спине и плечам, стараясь не оглядываться и не смотреть в угол. Потом схватила полотенце, обернула вокруг себя и шагнула к двери.

Выйдя в предбанник, Карина остановилась. Здесь было в разы прохладнее, но воздух всё ещё был густым, отдающим травами, насыщенно-плотным. На деревянной скамье лежали её вещи: безразмерная ночнушка, бельё, резинка для волос. На гвоздике кто-то, наверное мама, повесила розовый махровый халат. Карина улыбнулась.

Рядом на декоративном столике стояла маленькая плетёная корзинка с банными принадлежностями, а сверху на неё лежал сухой ольховый лист. Карина нахмурилась, вспоминая, был ли он здесь, когда она заходила. Но точно сказать не могла.

Она быстро натянула ночнушку, накинула, подпоясав халат. Затем наклонилась, взяла листик, повертела его в руках. Он был жёстким, ломким, а на обратной стороне виднелся тонкий узор, похожий на крошечные насечки — будто кто-то выцарапал на нём знак. Карина поднесла его ближе к свету, но узор тут же распался, превратившись в обычную сеть жилок.

Девушка тряхнула головой, собрала влажные волосы в пучок на затылке и поспешно вышла на улицу.

Вся семья расположилась за кухонным столом. На узорчатой скатерти стояли тарелки с крупными кусками шашлыка, овощной салат, белела сметана в глиняной мисочке. Рядом с ней возвышалась стопка тяжёлых пышных блинов.

Карина устроилась на стуле между родителями. Мама пододвинула к ней фаянсовую тарелку и шепнула:

— Покушай давай.

— Так вот, он мне и говорит, — продолжил прерванный рассказ отец Карины, — за щукой надо ехать за Наровчат. Там в сезон её чуть ли не голыми руками берут.

Сидевший напротив него мужчина в красной спартаковской футболке отправил в рот кусок мяса.

— Да путает он чего-то. В тех краях у меня свояк жил, там максимум кого взять можно — карася. И то по мелочи.

Алексей лишь развёл руками.

— В том и дело, Миш. Я ему покивал, а потом со своими в гараже поговорил, на форуме посидел. Не видел никто там за последние лет десять щук.

Лариса Дмитриевна поставила перед Кариной чашку с чаем.

Ленида Евграфовна, что сидела от матери Карины по левую руку, уронила голову на грудь, засопев. Морщинистые руки её, испещрённые синими ниточками вен, безвольно сползли с коленей. Но тут же, под всеобщие смешки, старушка встрепенулась, тряхнув головой, и, хитро прищурившись, произнесла:

— Утомили вы меня своими щуками.

Ответом ей стал ещё один взрыв веселья — даже Михаил, обычно сдержанный, хмыкнул, прикрыв рот рукой.

Тётя Поля, повесив фартук на ручку двери, села между старушкой и мужем. Покосившись на жующего мужчину, тихо произнесла:

— Ну как Катюшка у вас?

Лариса Дмитриевна вздохнула.

— Да тьфу-тьфу, вроде неплохо. Спать начала. И сейчас, после баньки, я её быстро уложила.

— Наша баня кого угодно с ног свалит, — протянул муж тётки Поли, отхлёбывая из высокого прозрачного стакана. На стекле остались матовые разводы от его пальцев.

Тётка переложила к себе с общей тарелки блин.

— Вы к той знахарке, к которой ты собиралась, в итоге съездили?

Отец повернул голову и непонимающе уставился на жену.

— Ларис, это о чём она? Что за знахарка?

Лариса Дмитриевна, заметно смутившись, махнула рукой. Скрипнула половица. Рыжая кошка, метнувшись тенью, пробежала под столом и скрылась за плитой.

— Наша Машка с охоты пришла, — протянул Михаил, пытаясь сгладить неловкость.

Алексей продолжал буравить взглядом жену.

— Чего за волшебство?

Карина опустила глаза, сделав небольшой глоток чёрного чая. Напиток обжёг губы.

— Да ничего такого. В Карье одна женщина принимает. Помогает тем, кто к ней приедет, — неопределённо проговорила Лариса Дмитриевна.

— И чего ко всяким цыганкам теперь ребёнка таскать? — нахмурился отец.

Карина подняла глаза и встретилась взглядом с сидящей напротив старушкой. Та с прищуром следила за Ларисой Дмитриевной, и в её взгляде не было ни насмешки, ни осуждения.

— Никто никого не таскал. Всё нормально, — расплылась в улыбке мать Карины.

— Это ваша знахарка ей про Бобу рассказала? Меня в детстве им мать только так страшила, — спросил Михаил.

Карина во все глаза смотрела на дядю.

— Вы про него знаете? — выпалила девушка. — А кто это вообще?

Лариса Дмитриевна сглотнула, но вопроса дочери прерывать не стала.

— Да как тебе сказать. У нас в Мачкасах про него всей ребятне рассказывали. Он что-то типа духа. Или тени. За детьми ходит — цепляется. Ну это больше в воспитательных целях. Чтоб по лесу далеко не ходили, чтоб старших слушались.

— Так у нас Катька-то вроде ведёт себя хорошо, — протянула мама Карины, поглядывая на мужа.

— В том и дело, что нормальный ребёнок растёт, а вы ей с малолетства голову всякой дурью забиваете, — сухо пробормотал мужчина.

Ленида Евграфовна едва заметно покачала головой — так, что это заметила только девушка.

- Бо-ба ходит, цепляется да не по своей воле. Знамо дело к хозяину дитятко поведет. — пробормотала старуха.

За столом воцарилась тишина.

- Баб Ленъ, ну ты -то куда такие страсти?! — воскликнула тетя Полина.

- Слушайте, и правда, хватит эту ерундистику на ночь поминать. Каринка, вон, сейчас наслушается, мне потом вторую дочь к вашей сказочнице тащить? — оглядывая присутствующих, спросил мужчина.

Карина снова уставилась в чашку с чаем. На поверхности плавал маленький листик мяты.

— Лёш, ты с каких пор таким суеверным стал? — весело спросила тётка Поля. — Или не помнишь, как мы в детстве бородавки на Луну заговаривали?

Сидящая рядом с Кариной женщина громко хмыкнула.

— А то: намажешь одуванчиком да на новую Луну давай дуть — чтоб бородавку с собой забрала.

Отец потянулся за куском мяса.

— То дело — наши детские шалости, а тут совсем несмышлёныша к какой-то колдунье тащить.

Большой кусок шашлыка упал на тарелку мужчины.

— Так ещё куда тащить? Карьга-то ваша — это сколько от города? — с заинтересованным видом спросил Михаил у мамы Карины.

— Час или полтора, если без пробок, — улыбнувшись, сказала Лариса Дмитриевна.

Ленида Евграфовна шумно отпила из расписанной затейливым узором чашки.

— Так это сейчас они повывелись, — прошамкав, проговорила старушка, — кто силу свою не успел передать. А кто и в большой город подался. Это раньше в каждой деревеньке по ведьме сидело.

— Мельчает село, — насмешливо бросил Алексей.

Лариса Дмитриевна передала мужу пузатую банку с вишнёвым компотом.

— И не говори, Лёша, — продолжила бабушка, поправив висящую на плечах шаль. — У нас даже раньше своя колдунья была.

— Это когда? — обернувшись к ней тётя Поля.

— Тебя ещё в проекте не было. Я вон девчонкой сопливой была. Под стол пешком ходила. И жила у нас на выселках, ну где сейчас трактора по зиме загоняют, одна женщина. Неприветливая такая, вечно смурная. Все про неё шептались, что с чертями знается. Так вот, я как-то с пруда шла. А лето темнеет поздно, — старушка поудобнее уселась на стуле. — Я к дому иду по нашему порядку. Улиц у нас не было, порядками звали. Так, значит, иду по порядку. А мне навстречу она. Я, как мать учила, в землю уставилась, на неё не смотрю. Только слышу, голос ласковый меня по имени зовёт. Я глядь, а там свинья.

Михаил громко хмыкнул.

— Это колдунья в свинью превратилась? — раздался со стороны входа мальчишеский голос.

Тётя Поля привстала из-за стола.

— Матвей, ты чего не спишь?

Мальчишка лет десяти в синих шортах показался из-за двери.

— Да я попить встал.

Михаил, обернувшись, бросил сыну:

— Ну так пей и маршем в кровать. И чтоб никакого телефона. Через десять минут приду и проверю.

Парнишка зачерпнул из стоящего в углу ведра стаканом воды, проглотил в три глотка и скрылся в полумраке дома. Через минуту до собравшихся в кухне донёсся скрип двери.

— Всё равно сейчас в игрушку свою уставится, — улыбнувшись мужу, сказала тётя Полина.

— Ясен-красен, — подтвердил Михаил, откусывая от блина.

Из приоткрытого окна раздалась кошачьи крики. Тёплый ветерок залетел в комнату, качнув занавеску.

Карина сделала глоток чая. Ленида Евграфовна хитро подмигнула ей. Морщинки вокруг глаз в полумраке на миг показались девушке паутинками.

— Ой, это что, уже полночь почти? — поглядывая на висящие над плитой круглые часы, воскликнула тётя Полина. И действительно, длинная чёрная стрелка застыла на отметке без десяти двенадцать.

За окном раздалось протяжное мычание коровы.

— И правда, надо уж спать ложиться, засиделись мы чего-то, — вторила сестре мама Карины, вставая со стула.

Тётя Поля, повернув голову, обратилась к мужу:

— Ты давай бабу Лёню до комнаты проводи.

— Чего это ему меня провожать, что сама не найду? — поглаживая пушистую шаль, возмутилась старушка.

Мужчина с кряхтением поднялся, задев стоящую перед ним тарелку. Пронзительно звякнул, закачавшись, стеклянный стакан.

— Знамо дело, найдёте, только как бы вам здесь в темноте не навернуться. Как в прошлый раз, — он кивнул в сторону тёмного коридора.

На контрасте с размеренным тёплым светом от небольшой люстры тени там, казалось, уходили в бесконечную черноту.

— Ну раз уж такого кавалера предлагаете, то чего бы не прогуляться, — кокетливо пробормотала пожилая женщина, выставив вперёд локоть.

Поддерживая её с обеих сторон, тётя Поля с мужем помогли выбраться из-за стола. Бабушка шла медленно, тяжело передвигая обутые в валенки ноги. Поравнявшись с Кариной, старуха положила ей на плечо руку. Морщинистая, с глубокими, вьёвшимися в пальцы мозолями ласково потрепала девушку. Она ответила благодарной улыбкой.

— Спокойной ночи, баб Лёня, — пробормотала Карина.

Старушка осенила стол и сидящих за ним людей крестом:

— Спите спокойно.

И, поддерживаемая Михаилом, медленно двинулась в сторону выхода. Когда они скрылись за дверью, Лариса Дмитриевна прошептала, обращаясь к сестре:

— Совсем баба Лёня плоха. В прошлый раз приезжали, она как-то повеселее, что ли, была.

Хозяйка, собирая тарелки, хмуро кивнула.

— Ну что ты тут сделаешь? Сама же видишь, года берут своё. А у неё в ноябре юбилей — восемьдесят пять годиков праздновать будем.

Мама Карины ничего не ответила, качнув головой, и, взявшись за тарелку с остатками шашлыка, переставила её на кухонный столик.

— Ты сходи посмотри, как там Катька, — обратилась она к дочери, — а я тут тётке Поле помогу и приду. Лёш, ты на веранде ляжешь?

Он утвердительно кивнул:

— Ага, мы там с Мишкой ещё ночью футбол посмотреть хотели, чего вам мешать.

Перекладывая вилки и ложки в небольшую миску, тётя Поля обошла вокруг стола. Карина сделала последний глоток из чашки, вытащила застрявший в зубах листочек мяты.

— Спасибо, всё очень вкусно, — кивнула она тётке, поднялась и вышла из кухни.

До неё доносился негромкий гул телевизора, шедший с веранды, из-за приоткрытой двери Лениды Евграфовны слышалась тихая, размеренная молитва. Девушка, стараясь ступать осторожно, прошла дальше и легонько толкнула дверь их комнаты.

В ней было тихо и темно. Освещением служил лишь пробивающийся из-за лёгкой занавески лунный свет, что рисовал причудливые узоры на полу. Карина прислушалась, ей показалось, что скрипнула детская кровать, прислонённая к стене. Она выдохнула, внутренне стараясь успокоить себя, и сделала шаг в темноту.

Катюша, свернувшись тёплым клубочком, безмятежно спала. Сунув большой палец правой руки в рот — от соски сестру старались отучить уже год. Тонкое одеяльце сбилося в ногах, пижамка с весёлыми розовыми слониками поднималась и опускалась.

Карина улыбнулась, почувствовав, будто с плеч упал груз. Она поправила лежащего рядом с сестрёнкой плюшевого длинного зайца, не дав игрушке упасть. Сняла халат и опустилась на диван. Пружина под ней предательски скрипнула. Девушка, вытянув голову, посмотрела в сторону кровати — ничего не изменилось. Убедившись, что не разбудила сестру, быстро юркнула под мягкое одеяло.

Достала из-под подушки телефон, полистала ленту. Увидела сообщение от Лили.

«Дэн весь вечер только о тебе и спрашивает. Точно теперь жди звонка». Дальше мигал злодейский смайлик. Карина ещё раз пробежала глазами по тексту и улыбнулась. Начала печатать ответ, но через мгновение стёрла. Провела пальцем по экрану, отключая питание. Сунула мобильник под подушку и закрыла глаза.

Сон словно ждал её. Девушка тут же заснула. Что её выдернуло из сновидения — она сказать не могла. Призадумалась, пытаюсь вспомнить, успело ли ей хоть что-то присниться. За дверью негромко переговаривались родители.

— И чтоб я больше про всю эту чертовщину не слышал, поняла! — раздражённо басил отец, понизив голос.

— Лёш, ты же сам видел полосы. А когда она в один угол смотрела, знаешь какой страх? Я молиться давай — а слов и не помню. И, кажется, видела, видела я, — тревожно шептала Лариса Дмитриевна мужу.

— Чего видела?

— Тени... Не знаю, — сдалась женщина.

— Вот. И нечего дурью маяться. Там причудилось, тут показалось. Дураком меня только перед сестрой выставила. Ладно, спать пора.

Карина не расслышала, что ответила мать. Затем скрипнула дверь, девушка притворилась, что спит. Судя по тихим, словно крадущимся движениям, в комнату зашла женщина. Скрипнула половица. Зашумели, задвигались на кровати петли.

Девушка перевернулась на другой бок и крепко-крепко зажмурилась.

Приоткрыла глаза, в комнате всё также было темно. Полосы лунного света сквозили из окна, теперь добравшись до шкафа. Значит, прошёл час или два. Она прислушалась — стояла та тишина, что присуща лишь деревенскому дому. Не звучал телевизор, на кухне не лилась вода. Но вот едва слышно скрипнула половица, тут же ей отозвалось шуршание в стене. По дороге, оставляя тёплые округлые лучи света на стене, с грохотом проехала машина. Вот порыв ветра качнул в саду яблоню.

Со стоящей рядом кровати донёсся неразборчивый шум. Карина скосила глаза — увидела, как мама сидит, свесив голые ноги. Лариса Дмитриевна бросила короткий взгляд на старшую дочь и ступила на пол.

Подошла к детской кроватке, склонилась. Карина видела, как внимательно женщина разглядывает малышку. Долгий, пристальный взгляд.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Лариса Дмитриевна, крадучись, вернулась в постель. Как ни старалась, разглядеть лицо матери Карина не смогла.

Глава 5. Путь до дома

Девушка открыла глаза, когда солнечные лучи заливали всю комнату ярким светом. Из-за приоткрытой фрамуги доносились весёлые детские голоса, агукала и хлопала ручками Катюша.

Карина повернулась — мамина кровать была пуста и аккуратно заправлена. Она потянулась, потёрла затёкшую шею и откинула одеяло. Переодевшись в футболку и шорты, вышла из комнаты. За дверью Лениды Евграфовны громко звучал телевизор — передавали какой-то концерт.

Чуть подумав, девушка постучалась в дверь.

— Заходи, не заперто. — добродушный старушечий голос раздался из комнаты.

Карина зашла.

Застеленная постель — высокая, на пружинах. Рядом с ней огромный сундук. Карину ухмылнулась, вспомнив, что баба Лёня отчего-то не выносила шкафов и старалась хранить вещи свои по-старинному. Несколько икон в изголовье кровати. На деревянной стуле перед телевизором сидела хозяйка жилья.

— Доброе утро.

— Доброе — старушка обернулась к Карине, улыбнувшись

На экране несколько девушек в народных костюмах водили хоровод.

— Я тут. — замялась Карина.

— Не дает покоя вчерашний разговор?

Девушка бросила взгляд на развивающийся тюль и кивнула.

— Мамка боится, папка злится. Тут, конечно, всякий сон потеряешь. — взгляд Лениды Евграфовны стал серьезен.

— Кто этот Бо-ба такой? Чего ему надо от нас?

Старушка глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Да кто бы знал кто он такой, родненькая. Приходит, берет своё без спроса. Раньше по деревням знающие люди его отгоняли словами тайными. А сейчас. — старушка махнула в сторону экрана, на котором картинка сменила на рекламу кофейных зерен.

— Что делать-то нам, баб Лёнь?

Старушка отвернулась от неё.

— Молиться. Да Катьку ночами одну не оставлять. Он по темноте силён, там время в его власти. Авось стороной пройдет, святые защитники отмолят.

Реклама закончилась, на экране снова передавали концерт.

Девушка вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь. Слова бабушки Лёни звучали в голове: «Он по темноте силён». Она глубоко вздохнула и пошла на кухню.

Там во всю шла работа. Мама поприветствовала её кивком, не отрываясь от осмотра черешни. Тётя Поля, сидевшая на соседней табуретке, улыbnулась и махнула ей, приглашая за стол.

— Ну что, невеста, как спалось? Женихи не снились?

— Вроде нет, спалось отлично — без снов, — ответила Карина, опускаясь перед тарелкой со стопкой пышных блинов.

— Ешь давай, пока горячие. Чаю или молока? — осведомилась тётка.

— Молока. Если можно.

— Отчего же нельзя, — тётя Поля, усмехнувшись, направилась к стоящему в коридоре холодильнику.

Отделяя крупные бордовые ягоды от листьев и мелкого сора, Лариса Дмитриевна проговорила:

— Ночью спала, ничего не слышала?

Карина непонимающе посмотрела на мать.

— Да собака будто под окнами выла. Так протяжно. Ладно, не суть. Ты давай завтракай да потихоньку будем собираться.

Тётя Поля поставила перед девушкой глиняную кружку, наполненную до краёв молоком.

— Это вы куда? Нагостились, что ли?

— Полин, спасибо, но в этот раз правда домой пора. Лёшке завтра с самого ранья на смену, а Каринка сегодня в ночь.

Девушка с полным ртом еды смогла лишь кивнуть, подтверждая её слова.

— Ой, деловые, ой, городские, — нараспев смешливо отозвалась тётя Полина.

Мама Карины фыркнула.

— Ничего, отпуск по осени будет — приедем подольше, — Лариса Дмитриевна ссыпала ягоды в стоящий на столе черпак.

— Тогда уж гостинцев возьмите, — тётя Поля прошла в угол и достала из стоящего там деревянного ящика несколько яблок. Наливные, с округлыми покрасневшими боками — радость деревенских трудов.

— Огурчиков там, помидор из теплицы нарву, — продолжила предлагать варианты женщины.

— Полин, да куда нам, мы в прошлый раз кабачки три недели доесть не могли, — со смехом сказала мама Карины.

— Ну те кабачки, а помидоры хоть на закатку.

Через два часа не только помидоры, но и маленькое эмалированное ведро огурцов устроилось в ногах у Карины. Лариса Дмитриевна, защёлкивая замок на ремне безопасности, помахала сестре с мужем, вышедшим их проводить.

Серая «Лада» завелась и с урчанием покатилась.

Тётя Поля улыбнулась и помахала в ответ.

— Хорошо отдохнули, — протянул отец, выруливая с пыльной грунтовки.

— Ага, здорово, — подтвердила жена.

Сидевшая сзади Катюша засмеялась, вертя в руках заколку с пластмассовыми шариками. Карина вздохнула и уткнулась в телефон.

Деревенские пейзажи сменились зеленеющими полями. Мимо проносились огромные грохочущие грузовики. Солнце, стоя в зените, нещадно палило. Лариса Дмитриевна откровенно клевала носом, вот-вот грозясь уткнуться лицом в приборную панель.

Карина вертела в руках телефон — связи не было, значок сети мигал, то появляясь, то исчезая.

Очередная песня по радио оборвалась шумом помех. Отец нажал пару кнопок, но лучше не стало. На всех частотах — лишь белый шум.

Алексей вдавил педаль, машина прибавила хода. Мимо проплывало море пшеничного поля. Высокие колосья начинали крениться к земле, в приоткрытые окна залетали порывы обжигающе-горячего воздуха.

— Лёш, ну чего? До двух вернёмся? — спросила Лариса Дмитриевна, часто заморгав.

Муж кинул взгляд на тянущуюся справа за полем полосу леса.

— Должны. Если на въезде не встанем.

Катюша хлопнула в ладошки.

Лариса Дмитриевна повернулась к дочерям:

— Карин, там у неё в ногах бутылочка с водой была, дай, может, пить хочет.

Девушка подала сестре голубую чашку-непроливайку. Девочка покрутила её в руках, но к губам даже не поднесла.

— Ладно, — пробормотала Лариса Дмитриевна, переводя взгляд на дорогу перед собой.

Тишина в салоне стала какой-то звенящей. Даже Катюша перестала хлопать в ладошки и замерла, сжимая чашку. И в этот момент машина начала резко терять скорость.

— Что за дела? — сидящий за рулём Алексей, нахмурившись, уставился на руль.

— Лёш? — тихо спросила жена.

Машина остановилась.

Двухполосная дорога была пуста в обе стороны. Лишь громко звенели сверчки да птицы, перекликаясь, кружили в бескрайнем голубом небе.

— Сидите тут, я пойду посмотрю, — бросил мужчина, покидая салон.

Он вышел, открыл капот. До Карины донеслись звук удара железа и приглушённая ругань.

Женщина на переднем сиденье высунулась из окна.

— Всё нормально?

— Будет нормально — тогда поедem.

Минуты ползли медленно. Сонная марь заполонила салон. Карине показалось, что даже птицы прекратили голосить. За поднятым капотом отец продолжал греметь деталями, да сверчки со всех сторон гремели волной.

Сидящая рядом Катюша хлопнула в ладони и помахала кому-то за стеклом. Солнечный зайчик, отразившись от экрана, сверкнул, Карина зажмурилась.

— Доча, у тебя телефон ловит? — раздалось с переднего сиденья.

— Не-а, — даже не глядя, ответила девушка.

Судя по звукам, Лариса Дмитриевна продолжала до кого-то безуспешно дозваниваться. Звучали короткие гудки — вызов не шёл.

Сестра опять замахала руками в сторону своего окна. Карина наклонила голову и скользнула взглядом.

Бесконечное жёлтое поле замерло. Кромка леса у горизонта. Ветра не было — колосья жались друг к другу.

В этой мёртвой полосе, ровно посередине, стоял силуэт. Не человек и не зверь: слишком высокий, с непропорционально длинными конечностями, будто составленный из теней и сухих стеблей. Он не двигался. Просто стоял и смотрел.

Карина почувствовала, как по затылку скользнул ледяной палец, а в ушах зашумело так, что перекрыло даже сверчков.

Сестрёнка снова помахала стоящему, не проронив при этом ни звука. Карина сглотнула, провела рукой по глазам. Силуэт остался на месте. Девушка посмотрела на мать — та, ничего не замечая, тыкала в экран телефона. Её рука сама потянулась закрыть сестрёнке глаза, чтобы та не смотрела в окно. Но, увидев, что Катюша лишь улыбается, явно видя пугающий силуэт, девушка подавила порыв. Тогда она, нащупав горячую ручку за своей спиной, резко дёрнула. Дверь со скрипом отворилась.

— Только не уходи далеко — скоро поедem, — буднично отозвалась мать.

Карина шагнула на горячий асфальт, и волна жара, поднимаясь вверх, окатила голые ноги. Воздух был густым, как сироп, пах пшеницей, асфальтом и пылью.

Катюша продолжала радостно махать в окно. Карина наклонилась сказать сестрёнке, чтобы она перестала, но слова застряли в горле — девочка улыбалась тому, что стояло среди колосьев, словно старому другу. Катюша прижималась носом к стеклу и беззвучно что-то лепетала, словно болтала с тем, кто стоял в поле.

Внутри Карина чувствовала натянутую стрелу.

«Она его не просто видит, — пронеслось в голове. — Она с ним разговаривает».

— Катюш, не надо, — прошептала Карина, сама не зная, к кому обращается — к сестрёнке или к тому, что темнело посреди пшеницы.

Девочка на секунду замерла, повернула голову, посмотрела на Карину огромными ясными глазами и снова довольно заулыбалась, будто услышала что-то хорошее.

Девушка на ватных ногах пошла к капоту.

Отец, склонившись над мотором, выпрямился и, вытирая руки о промасленную тряпку, пробурчал:

— Чего вылезла? Садись, сейчас разберусь да поедем.

Хмурое выражение его лица сменилось удивлённым. Он повернул голову направо, пристально вглядываясь туда, где темнел силуэт.

— Карин, да на тебе лица нет. Тебе голову случайно не напекло? Лариска, выйди.

Мама зашумела, суетливо выбравшись из машины.

— Дочь, и правда. Что-то болит?

Карина открыла рот, чтобы сказать, показать, закричать, что там, в поле, что-то есть, что Катюша машет ему, что это неправильно, что нужно срочно уезжать. Но слова рассыпались, как сухие зёрна, и вместо этого она выпалила первое, что пришло в голову:

— Там... там тень какая-то. Странная.

Женщина кинула встревоженный взгляд на поле. Прислонила ладонь

— Может дерево? А нет, вроде и правда кто-то стоит. Или дерево?

Отец оторвался от дел, вгляделся туда, куда пристально смотрела Лариса Дмитриевна.

Девушке показалось, что он вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

— Карин, ты, давай, садись в машину, тут духота. — вернувшись к починке, пробормотал он. — Ларис, и ты тоже. Нечего тут на дороге стоять. Сейчас, сейчас поедем.

Карина почувствовала, как вспотела футболка. Её била мелкая дрожь. Она рванулась к двери машины, забралась внутрь. Громко хлопнуло железо.

— С дверьми поаккуратнее там, — выкрикнул отец, не поднимая головы от капота.

В ту же секунду Катюша потянулась к ней и, прижавшись щекой к плечу, прошептала:

— Бо-ба.

Резкой вспышкой заурчал мотор. Мерное движение двигателя успокаивало, возвращая в привычную реальность.

— Вот и славненько, — сказала Лариса Дмитриевна, возвращаясь на своё место. Карина нехотя кивнула и скосила глаза, пытаясь рассмотреть, чем занята сестра. Катюша вертела пальчиками, пристально разглядывая подушечки. Казалось, процесс полностью поглотил девочку.

Девушка выдохнула и, распрямившись, посмотрела в окно. По противоположной стороне дороги проехала машина. Громкая музыка на миг заполонила собой пространство, но также быстро исчезла. Пшеничное поле под жарящим солнцем. Да лес на горизонте.

«Не могло такое привидеться, — мысли роились в голове. — Да и кому тогда махала Катюша?»

Отец со стуком закрыл капот и уместился за рулём.

— Вот и всё, девчонки. А вы боялись, — с усмешкой сказал он, выруливая с обочины.

— Да кто боялся? Не в тайге же, — в той же игривой интонации ответила ему мать.

И снова за стёклами замелькал привычный сельский пейзаж. Карина не отрывала глаз от дороги. Но никаких странностей или выбивающихся из привычного ритма деталей заметить не могла.

Ещё минут через десять ожил телефон. Посыпались сообщения от оператора — два пропущенных с неизвестного номера и один раз звонила Лиля. Сковырнув остатки сиреневого лака с большого пальца, она написала подруге в мессенджере:

«Привет, поговорить надо. Какая-то фигня творится».

Через минуту сообщение было отмечено как прочитанное:

«Чего случилось? Набрать?»

Карина улыбнулась, глядя на текст на экране.

«Нет, пока с родаками из деревни еду. Давай завтра сходим погуляем, расскажу».

Получив в ответ смайлик с поднятым вверх пальцем, она откинулась на сиденье.

Через два часа Карина выбежала из душа, на ходу доплетая в косу ещё мокрые волосы. Чмокнула проходящую маму в щеку и с притворным криком «Сейчас как опоздаю», накинув джинсовую куртку, заспешила из дома.

Уложив привычный маршрут вместо пятнадцати минут в десять, в 16:55 она стояла перед стеклянными дверями цветочного магазина.

Сменщица с туго завязанным на макушке хвостом поприветствовала её кивком, не отвлекаясь от изготовления букета для пожилой пары.

Карина, перевесившись через кассу, поставила на стул сумку и пакет с ужином.

— Мне кажется, что для Самойловых как-то простовато, — комментировала женщина с завитыми седыми волосами третью добавленную Кариной в букет фиалку.

— Нормально. Цветы и денег в конверт положим, — возражал ей пузатый мужчина, растягивая пуговицу на воротничке отглаженной белой рубашки. Несмотря на работавший в магазине кондиционер, лоб его был покрыт испариной.

Покупательница отвернулась, прищурившись, рассматривая выставленные цветы в холодильнике.

— А можно нам ещё вон тех, беленьких, добавить побольше? Так сказать, объёма придать.

— Это гипсофила, — не отрываясь от обрезки роз, сообщила Танюха.

— Нам бы вот их. Чтобы букет на фото солидно смотрелся, — женщина перевела взгляд на уткнувшегося в телефон спутника.

— Ага, — буркнул он, не отрываясь от экрана.

Когда через пятнадцать минут колокольчик над дверью коротким звонком возвестил о том, что покупатели ушли, Танюха приземлилась на стул.

— Прикинь, сегодня весь день прут и прут. Вроде выходной, а вот только первый раз села, — она пригладила и без того ровные волосы.

— Бывает, — согласилась Карина, щёлкая по носу игрушечного медведя.

Снова зазвучал колокольчик. Девушки синхронно обернулись к двери, но в магазине кроме них никого не было.

— Кондей, что ли, на него дует? — предположила Таня.

— Скорее всего.

Карина намотала шёлковую декоративную ленту на палец.

— Прикинь, я тут ночью присела отдохнуть, ну, может, заснула чуток. Так Васильич прилетел через десять минут. Так орал, грозился тремя тысячами штрафа, — с усмешкой проговорила коллега. — А я чего? Только после клуба. Да и тут устала. Короче, послала я его.

— Да ну?

— Ага, он весь пятнами красными покрылся и выбежал. Теперь мне на сообщения не отвечает, — Танька выставила вперёд экран телефона. Его поверхность делила надвое глубокая трещина. Строчки текста скакали под неестественными изгибами, битые пиксели не давали прочесть содержание целиком.

Карина прыснула.

— Слушай, Тань. Я тебя ещё хотела про эту знахарку спросить. Ну из Карьги, которая.

Девушка отвлеклась от набора сообщения и, нахмурившись, уставилась на Карину.

— Как думаешь, она хуже сделать могла? Ну или просто... плохое?

— Я ж сама у неё не была. Типа за что купил, за то и продаю. Тётке моей помогла хорошо. Ну это, конечно, тётка так считает. Может, она своего Альбертика и без помощи всей этой магии встретила. Но, как говорится, по фактам складывается. Доехала до Карьги, а потом до ЗАГСа, ага.

— Получается, она типа доброй волшебницы? — протянула Карина.

— Так для кого-то и добрая волшебница злая. Вспомни Золушку. Типа ей она помогла, карету организовала. Но вот чего-то сводным сёстрам её по принцу не выдала. Хотя и могла.

— Ну ладно...

— Случилось чего? — уже без былой иронии в голосе спросила Татьяна.

Мгновение подумав, Карина мотнула головой.

— Не, чёт я просто под впечатлением.

Татьяна сняла резинку с волос, пышная причёска сделала её похожей на зайца из советского мультика. Ловко поддев носком босоножки лежащую у ножки стола сумочку, подтянула к себе.

— Так, мне уже пора. Я тут с одним парнем в клубе познакомилась. Ничего такой. Сегодня договорились погулять.

— Заедет? — поинтересовалась Карина, глядя, как девушка припудривает щёки.

— Не-а. Решили для начала по центру прогуляться. Так что пойду пройдуся, — проговорила Танюха, вставая со стула. — Ты тут не скучай. Васильичу привет передавай.

— Ладно, — Карина улыбнулась и перебралась на место за кассой.

По магазинчику пронеслась трель колокольчика. Дверь за Танюхой захлопнулась. Тишину помещения нарушали только мерный треск холодильника и приглушённый звук работающего кондиционера.

Карина разглядывала так и не снятую с пальца декоративную ленту. Алая ткань оплетала подушечки пальца, струясь причудливыми изгибами. Кончики её были аккуратно подрезаны — похоже, что Танюха хотела подвязать ею букет, но то ли срез вышел слишком короткий, то ли покупатель настоял на другом цвете.

Карина моргнула. Подняв глаза, она не увидела привычного окружения. Вновь она стояла в странном стеклянном лесу. Через уходящие ввысь стволы деревьев проникало закатное пламя. Его язычки играли в кронах, отражаясь от листьев из хрусталя.

Снова где-то впереди послышался звук топора. Чуть помедлив, Карина нерешительно двинулась в ту сторону.

Едва слышно звенели листочки, хотя ветра и не было. Странное место вообще не содержало привычных ориентиров: лес уходил во все стороны равномерно, не заканчиваясь. И был бы пугающе тих, если бы не громяющие впереди звуки.

«Выберусь, выберусь», — негромко успокаивала себя Карина, стараясь следить за дыханием.

Ноги не скользили, ступать по ледяной поверхности было легко. Девушка медленно приближалась к источнику звука. Когда до лесоруба оставалось всего пара метров, рубка внезапно стихла. В одно мгновение. Так, словно кто-то нажал кнопку, выключив надоедливый гул телевизора. Карина остановилась, прислушиваясь. Вокруг лишь неестественная, давящая тишина.

Она видела поваленные, расколовшиеся берёзы. Листья, что стеклянным исколотым морем лежали перед ней, мерцали в солнечном свете. Но девушка точно была одна.

Глава 6. Кровью дана

Наступившая тишина давила. Показывала, насколько мала девушка перед этим бесконечным и странным местом — чередой стеклянных берёз, уходящих до горизонта.

Карина огляделась в попытке найти хоть какие-то ориентиры. Безрезультатно — прозрачный лес окружал её. Ни шороха, ни звука. Губы предательски дрогнули. Она сглотнула, сжав кулаки.

— Карина, — слово донеслось до неё отголоском эха.

Девушка обернулась в надежде найти источник звука. Вскрик разнёсся по царству стекла. Она вгляделась в глубокую царапину, что рассекла подушечку указательного пальца. Кровь крохотными горошинками закапала на декоративную ленту. Алая ткань, повязанная на пальце, впитала всё жадно, не пропустив ни капли.

— Карина! — раздалось над ухом.

Она моргнула. Жужжание ламп ворвалось вспышкой, заставило открыть глаза.

Высокий русоволосый парень склонился перед её лицом. Она захлопала глазами, выхватывая взглядом привычный пейзаж: заваленный стол флориста, незакрытая касса, блик на пластмассовом глазе игрушечного медведя.

— Извини, не хотел пугать, — улыбнулся юноша, выпрямляясь.

Его серые глаза резко контрастировали с загорелой кожей. А голубая футболка с коротким рукавом навевала мысли о шуме волн и морских закатах.

— Нет, ничего, просто задумалась, — торопливо пробормотала девушка.

— А я чего-то подумал, что ты в субботу не пришла?

— Да там, — она на секунду отвела взгляд, — дела дома были. Как съездили?

Он потыкал в экран своего телефона, полистал и повернул к ней. На фото запечатлена компания — человек восемь столпились у горящего мангала. Парни в одних шортах, девчонки в купальниках. Высокий брюнет, тарахась, протягивает в объектив крупную рыбу.

— Ого, Тёма как всегда? Везде со своим спиннингом? — усмехнулась Карина.

— Мы из-за него чуть вторую порцию шашлыка не спалили. Он на удочку отвлёкся...

Приглушённо загудел кондиционер, обдавая крохотное помещение волной холодного воздуха.

— Рамиль уже предупредил, что в следующий раз только в сауну согласится. Чтоб из всех рыб — только гуппи в аквариуме.

Карина прыснула.

— Дэн, а ты вообще как тут?

— Да мимо проезжал, смотрю — окна светятся. Вот и зашёл посмотреть, как ты тут в розах, — он кивнул на жужжащий за её спиной холодильник.

— В целом неплохо, только ночью скучновато бывает. Особенно когда клиентов нет.

— И не страшно тут одной?

— Почему одной? У меня вон какой защитник, — девушка ласково потрепала медведя за плюшевое ухо.

— Извини, не заметил сразу столь грозную охрану, — улыбнулся Денис.

Карина почувствовала, как щёки заливают предательский румянец.

После секундной заминки парень продолжил:

— Это... Слушай, может, сходим куда? Погулять там?

Карина улыбнулась, глядя, как Денис отводит глаза.

— Ну это там... Выходные же у тебя есть?

— Да, давай сходим, — выдохнула Карина.

Улыбка Дениса стала ещё шире. Он оперся двумя руками о край стола, за которым сидела девушка, и рассматривал её.

— Класс. А ты когда сможешь?

— Может, послезавтра, у меня как раз выходной...

Колокольчик над дверью возвестил о том, что они уже не одни.

Сергей Васильевич, пытая и ругаясь, затаскивал в магазин пластмассовую коробку. Та цеплялась краями и не хотела никак проходить в дверной проём.

Карина показала глазами на мужчину и коротко шепнула Денису:

— Шеф.

Юноша в тот же момент убрал руки со стола и с напускной заинтересованностью принялся изучать цветы в холодильнике.

— Добрый вечер, Сергей Васильевич, — поздоровалась девушка.

— Добрый, ага. На базе опять рефрижераторы встали. Завтра завоза не будет — будем вчерашний тянуть.

Коробка наконец поддалась, и мужчина с грохотом поставил её у входа.

— Последние нормальные пионы урвал, — он с гордостью кивнул на ящик на полу. С похожим удовольствием первобытные охотники наверняка рассказывали о том, как притащили к пещере целого мамонта.

— Напишу тогда, — шепнул девушке Денис и направился к выходу.

Карина постаралась сдержать улыбку, закусив нижнюю губу. Сергей Васильевич проводил парня взглядом.

— Короче, дела такие. Завоз будет, но, скорее всего, дня через два. Так что пока максимально стараемся держать в холодке. Если верхние листы начнут скукоживаться, так и быть, отрезай наполовину, — в голос начальника вернулись прежние деловые интонации.

Мужчина двинулся к столику флориста, недовольно ворча про постоянный завал.

— Пионы в холод? — спросила Карина.

— Угу, — бросил Васильич, не оборачиваясь.

Девушка вышла из-за кассы и потянулась к коробке.

— Может, нам ещё тут кофеточку организовать? — размышлял вслух Васильич. — А чего, студенты мимо ходят, может, заодно и цветочки возьмут... Эй, Каринка, ты чего застыла?

Девушка не ответила, стояла, уставившись на свою руку.

— Жук опять в коробку залез? Испугалась?

— Я... нет, всё нормально, — ответила она, с трудом отводя взгляд от глубокого пореза на пальце.

Кровь уже не шла, но ярко прочерченная линия говорила о том, что поранилась девушка совсем недавно. Карина глубоко вздохнула, наклонилась и сжала охапку пионов. Вдохнула обволакивающий аромат с нотками пудры и ванили.

— Ты их поставь поближе к дверям тогда, чтобы свежее сразу видели, — распорядился начальник, оторвавшись от листания тетради.

Девушка, стараясь не сильно сжимать хрупкий букет, двинулась к холодильнику.

— Вот это у вас с Танькой почерк, ничего не разобрать. А ещё студентки, — Васильич водил по строкам с цифрами пальцем. — Глянь, это восьмёрка или ноль?

Он развернул тетрадь к проходящей мимо Карине.

— Вроде ноль, — неуверенно пробормотала она, глядя на столь знакомые Танюхины завитушки и неведомые точки, поставленные сверху над цифрами.

— И кому она так двадцать чайных роз продала, интересно? Или ноль опять вписать забыла? — Васильич почесал щетинистый подбородок.

Карина с громким хлопком закрыла дверцу.

— Не знаю. Но чайных нету.

— Да вы издеваетесь? — изумлённое лицо начальника отразилось в витрине холодильника.

— Ну да. Я везде посмотрела. Даже за задними рядами, — Карина кивнула на роскошный цветочный сад.

Сергей Васильич глубоко и шумно вздохнул.

— Так, ты давай тут следи. А я на двенашку попробую скататься, может, там по остаткам что заберу, — бросил он, быстро шагая к выходу.

Оставшись одна, Карина повертела палец перед лицом, оценивая порез со всех сторон. Постепенно длинная полоска стала заживать, покрывшись тонкой коркой.

Рывком развязав декоративную ленту, осмотрела и её. Поворачивала на свет, силясь разглядеть пятнышки крови. На алой ткани в двух местах темнели маленькие дырочки — будто от острых краёв, которых она не помнила. Не сумев понять, откуда они взялись, девушка бросила ленту в мусорное ведро под столом. Вытащила стоящую за кассой небольшую косметичку. Порылась, перебирая троллейбусные билеты, по которым уже никуда не уедешь, календарь за прошлый год и швейный набор. Наконец нащупала пластырь.

Бежевая повязка легла плотно, словно защитила её не только от возможного нагноения, но и от слома привычной реальности.

Остаток смены прошёл спокойно. Два раза заходили припозднившиеся парочки. Молодые люди в обоих случаях старались произвести на спутниц впечатление, поэтому девушки ушли каждая с огромным букетом. Во втором часу ночи заглянул дворник. Трофимыч по утрам подметавший крыльцо, ночью подрабатывал в охране ближайшего торгового центра.

— И не страшно тебе тут одной, дочка? — ухмыльнувшись в бороду, спросил он.

— Да вроде нет. Спокойно, — ответила Карина, оторвавшись от телефона.

— Я чего зашёл, у тебя картонки какой не будет? А то у нас дверь скрипит, я всё никак заснуть не могу.

— Там у двери гляньте, за обогревателем вроде коробка была.

Через минуту, глядя, как Трофимыч с аккуратно свёрнутым куском картона под мышкой прикрывает за собой дверь, она вернулась к прерванной переписке.

Лиля сыпала фотками субботнего веселья. Присылала длинные голосовые сообщения о едва тёплой воде и о том, что её надувной матрас чуть не унесло сильным течением.

— Отдохнули вообще хорошо, — подытожила подруга, завершив свой рассказ ухмыляющимся смайликом.

Карина поставила лайк на сообщение.

— Что, завтра у нас всё в силе? — написала она.

— Да, давай в полдень на фонтанном спуске? — высветилось на экране через секунду.

— Хорошо.

Карина отложила телефон и повернула голову к двери. Через окна пробивались первые рассветные лучи. Город спал. Лишь дымчатая кошка, изящно ступая, обходила лужу на другой стороне улицы.

В начале седьмого утра дверь магазина распахнулась. Сначала в помещение ворвался запах сигарет и дешёвых коктейлей. За ним порог переступила сменщица.

— Привет, подруга. Ну как ты тут? — Танюха махнула рукой так, словно Карина сидела от неё минимум на другом берегу полноводной реки, а не в метре.

— Хорошо, — потянувшись, пробормотала девушка.

— И я хорошо, — в два глотка наполовину осушив бутылочку минералки, подтвердила сменщица.

— Как погуляли? Только сразу говорю, Васильич может неожиданно нагрянуть. Там на базе какое-то ЧП с охлаждением. Он сам в курьеры заделался и мелкими партиями цветы возит.

Так что ты это, держись. — Карина постучала по щеке, показывая, где тушь у Танюхи явно лежит не по правилам.

Сменщица принялась рыться в массивной кожаной сумке, что висела на сгибе локтя.

— И особо не дыши на него, ага? — ухмыльнувшись, продолжила девушка.

— Ну подумаешь, заснула один раз, — извлекая из недр сумки зеркальце, покачала головой Таня.

— Я ж не со зла, Тань. И вообще убегаю, — Карина спешно закинула телефон в сумку, забрала со стула джинсовку и, выходя, помахала сменщице.

Та кивнула, продолжая поиски чего-то неведомого в недрах сумки.

Быстро добежав до дома по молчащим крохотным улочкам, Карина зашла в подъезд и поднялась на этаж. Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, зачем-то приложила ухо к дверям и прислушалась. Звуков изнутри квартиры не доносилось.

Где-то снизу из вечно незакрытого подвала доносилось слабое журчание воды в трубах.

Она тряхнула головой и повернула ключ вправо. Раздался слабый щёлкающий звук, и дверь отворилась.

Стараясь ступать тихо, Карина скинула в прихожей балетки и на цыпочках прокралась в комнату. Родители спали у себя. Отец, широко раскинув руки, занял большую часть дивана. Он лежал на спине, бормоча что-то себе под нос. Карина прислушалась, но слов разобрать не смогла. Мама, натянув одеяло по подбородок, спала на боку в самом углу.

Остановившись у двери своей комнаты, Карина развернулась и нерешительно толкнула соседнюю дверь. Та приоткрыла совсем небольшую щёлку. Девушка разглядела лишь край кровати сестры. Сушащееся на боку полотенце с рисунками зайчиков мешало обзору.

Секунду постояв, Карина прошла к себе.

Часы на белом здании правительства показывали пятнадцать минут первого. Карина сняла этикетку с начавшего таять рожка. Откусила. Сладкая масса потекла по пальцам правой руки, и девушка торопливо слизнула каплю, пока та не упала на подол красного платья.

— Извини, извини, чего-то я время не рассчитала. И автобус ехал ещё долго, — подбежавшая Лиля приобняла подругу и с грохотом разместилась на лавке рядом. Старая деревянная доска под ней жалобно скрипнула.

— Нормально. Я тоже минут пять как подошла, — Карина откусила ещё кусок мороженого и покосилась на липкие разводы на своих пальцах.

— Жара, конечно, сегодня страшная, — Лиля вытянула загорелые ноги.

Белый сарафан в подсолнухах отлично контрастировал с её смуглой кожей.

— Везёт тебе, сразу шоколадная становишься, — протянула Карина. — А я ещё полнедели с кремами от ожогов бегаю.

— А я, наоборот, всегда тебе завидовала. Кожа фарфоровая, — расплылась в улыбке подруга. — Так чего там у тебя приключилось?

Карина облизнула рожок и посмотрела, как солнечный зайчик прыгает по струям воды в фонтане, рассыпаясь на тысячи крошечных искр. Малыш, по возрасту не старше Катюши, как раз подошёл к гранитному бортику у фонтана. Его молодая мама позади мягко поддерживала ребёнка за край рубашки, готовая в любой момент схватить, если он слишком сильно наклонится к воде.

— Лиль, а ты в мистику вообще веришь? Ну там во всякое, — неопределённо начала Карина, водя ногтем по бумажной обёртке от мороженого и невольно скручивая её в тонкую спираль.

Подруга нахмурила брови, словно сиюминутно что-то вспомнить, а потом вдруг прыснула, прикрыв рот ладонью, но смех булькающим звуком всё равно вырвался.

— Ну как сказать. Сама знаешь, у нас семья городская. Все эти истории про шайтанов, конечно, в детстве слышала, когда к родне в деревне приезжала...

— Чего? — Карина непонимающе уставилась на неё.

— Мы один раз решили вызвать Пиковую даму. Нам лет по десять было. Сели мы с подружками в сарае. Окно единственное занавесили. И вызываем. А про козу, там привязанную, чего-то забыли... Короче, когда на вопрос: «Пиковая дама, ты здесь?» из угла блеять стали... Мы чуть дверь не выломали, как бежали.

Карина рассмеялась. Мороженое в её руке опасно затряслось.

— Ни одна коза не пострадала?

— Ты что. Только наши нервы. Я с тех пор даже ужастики смотреть не могу. Меня Рамилька который год пытается на какой-то фильм про оборотней в лесу затащить... — Лиля поправила тёмные струящиеся волосы, убрав упавший на глаза локон.

Карина помолчала, глядя, как вода в фонтане кружится в маленьком водовороте, будто пытается утянуть за собой все лишние слова. Мороженое быстро таяло, оставляя на руке белые пятна. Карина достала из сумочки влажную салфетку и стёрла остатки лакомства.

— Знаешь... я не просто так про мистику спросила, — тихо пробормотала она.

Лиля перестала улыбаться и чуть наклонилась вперёд.

— Помнишь, я про поездку в Карьгу рассказывала?

— Бабка, которую эта твоя Танюха посоветовала? — Лиля прищурилась.

Карина кивнула.

— И чего? Ты же говорила, что она вроде помогла?

Карина чуть помедлила с ответом.

— Она точно что-то сделала. И со мной, и с Катькой.

— В смысле с тобой? — Лиля подвинулась ближе к девушке.

— Я видела... ну, не знаю, как объяснить... будто провалилась куда-то. На секунду, а может, на вечность. Там всё было из стекла. Берёзы прозрачные, до самого горизонта. И тишина такая, что уши закладывало. А потом — бах! — и я снова в лавке, у кассы. И палец порезала. Прямо там, в этом стеклянном лесу.

Она подняла руку и показала едва заметную полоску под пластырем. Лиля осторожно коснулась её запястья, будто проверяя, не врёт ли подруга.

— Ты это... серьёзно? — прошептала она.

Карина снова ответила лишь кивком.

— И самое странное... когда я оттуда вернулась, лента, которая у меня на пальце была, вся в дырочках оказалась... Я её выбросила. А теперь думаю: вдруг не надо было? Вдруг это как-то связано...

Лиля откинулась на спинку лавки и нервно рассмеялась, но смех получился коротким и ломким.

— Слушай, если это опять какой-то твой флористский стресс... ну там недосып, жара...

— Это не стресс, — перебила Карина твёрже, чем хотела. — Я точно это всё видела. И знаешь, что ещё?

Рядом вдруг громко фыркнул малыш у бортика — будто пытался дотянуться до брызг, которые отскочили высоко. Его мама тихо засмеялась и потянула его назад, вытирая мокрые пальцы краем полотенца.

— Может, тебе просто надо отдохнуть? — Лиля говорила мягко, без насмешки, но в голосе всё равно слышалось осторожное «я не верю, но не хочу тебя обидеть».

Карина хотела ответить, что отдых не поможет, потому что это не усталость. Но вместо этого просто пожала плечами и скомкала мокрый рожок.

— И ещё один случай... Мы когда от родни ехали в выходные, то по дороге машина сломалась. Короче, в поле кто-то стоял.

— Человек? — робко спросила Лиля.

— Вроде. Наверное, я не знаю. Его видели только я и Катька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.